

№2
2007
Том 1

Происхождение языка и культуры: древняя история человечества

ВЪРЪМАНО
ДВНСАНОУ
УЕННКОМЪ
СКОМЪ КЪ
СТАВТОТЪМЪ
РЪТЪ КИХЪ НГЛА

Съобщава се, че в древността
човекът е бил в състояние да
говори и да мисли. Това е
първият етап в развитието на
човешката цивилизация.

Главный редактор: **А. В. Букалов**, доктор философии, директор Международного института соционики

Зам. главного редактора: **Ю. Л. Мосенкис**, доктор филологических наук, профессор Национального университета «Киево-Могилянская академия», директор Института украинско-кавказских исследований

Редакционная коллегия: **Г. Д. Бердышев**, доктор биологических наук, доктор медицинских наук, профессор Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко;

М. Ю. Видейко, кандидат исторических наук, Институт археологии НАН Украины;

Е. А. Донченко, доктор социологических наук, зав. лаб. психологии масс и организаций Института социальной и политической психологии АПН Украины;

О. Б. Карпенко, доктор философии, Международный институт соционики;

С. В. Конча, кандидат исторических наук, научный сотрудник Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко;

А. В. Маловичко, кандидат физико-математических наук, академик УАННП;

Р. С. Фурдуй, кандидат геолого-минералогических наук; член Американского Географического Общества;

С. И. Чурюмов, доктор философии в области психологии.

Формирование редакционной коллегии продолжается

Компьютерная верстка: **А. А. Букалов**

Международный научный журнал. Выходит 6 раз в год
Зарегистрирован министерством юстиции Украины 13.06.2006.
Регистрационный номер 11322-202р, серия КВ

Подписные индексы по каталогам:

«Роспечать» — 36112, «Пресса России» — 10441,
«Пресса» (Украина) — 95979.

Журнал с пересылкой почтой по России (с предоплатой)
можно заказать у наших представителей в Москве:

Андрей Безруков — тел. (495) 382-21-91, e-mail: invite@mail.ru

Виктор Саенко — тел. (495) 713-26-58, e-mail: vs@butovo.ru

✉: **Международный институт соционики**
а/я 23, г.Киев-206, Украина, 02206

☎: (+38044) 558-09-35

e-mail : boukalov@gmail.com,
trypillia@narod.ru

<http://language-culture-origin.socionic.info/jmova/>

Уважаемые коллеги!

Лингвистическое отделение Международного института соционики (МИС) при поддержке Института украинско-кавказских исследований начинает издание нового международного научного журнала «Происхождение языка и культуры: древняя история человечества».

Необходимость такого издания давно назрела, поскольку специализированные издания по этой теме отсутствуют. Парадоксально, но вопрос о происхождении самого предмета изучения лингвистике — языка — оказался на периферии ее внимания как науки. И это составляет разительный контраст по сравнению с достижениями современной молекулярной биологии, уверенно устанавливающей родственные связи между народами Земли. Ряд выдающихся лингвистов разрабатывает вопросы происхождения и эволюции древнейших языков, однако, эти исследования, как правило, разрозненны, в значительной степени изолированы, а следовательно, не могут оказать существенного влияния на мнение мирового научного сообщества относительно этих проблем.

Поэтому значительное место в нашем журнале будут занимать вопросы древней лингвистической ситуации, древнейших языковых состояний, теории моногенеза и полигенеза, существования праязыков, их эволюции и формирования известных языковых семей — ностратической, америндской, синокавказской и других. Синхронно эти же темы будут рассматриваться в контексте зарождения и эволюции человеческой культуры, ее духовных, психологических и материальных аспектов, находящих свое отражение в языке, древнейшей мифологии, религиозных ритуалах, наскальных рисунках, сакральных сооружениях, календарях. В этом же контексте будут публиковаться и работы, посвященные древним языкам эпохи неолита и бронзового века, происхождению культурных терминов, письменности и т.д. Предполагается также уделить внимание «экзотическим» языкам, не находящим еще окончательного места в генетической классификации языков мира (пиктский, баскский, этрусский, шумерский, айнский и другие).

Мы приглашаем всех заинтересованных коллег присылать работы для публикации в новом журнале. Язык публикаций — русский и английский.

Более подробную информацию Вы сможете получить по e-mail boukalov@gmail.com, trypillia@narod.ru, а также на наших интернет-сайтах www.socionics.ibc.com.ua, www.trypillia.narod.ru.

Искренне Ваши

директор Международного
института соционики

Александр Букалов

директор Института
украинско-кавказских исследований

Юрий Мосенкис

Происхождение языка и культуры: древняя история человечества

СОДЕРЖАНИЕ

Происхождение языка

Мосенкис Ю. Л.

ОБЩЕМИРОВОЙ ПРАЯЗЫК: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ 5

Маловичко А. В., Козырский В. Г.

ЭПОХА ПАЛЕОЛИТА И МОНОГЕНЕЗ ЯЗЫКА (МОНОГЕНЕЗ ЯЗЫКА — II) 10

Язык и история культуры

Казначеев В. П., Трофимов А. В.

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ «АРХЕОЛОГИИ» ИНТЕЛЛЕКТА 19

Мосенкис Ю. Л.

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ АРХАИЧЕСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ..... 32

Исследования

Конча С. В.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ 36

Древние сооружения

Букалов А. В.

СФИНКС И ДРУГИЕ ЗАГАДКИ ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ 45

Дискуссии

Бердышев Г. Д.

ДОСЛАВЯНСКИЙ И РАННЕСЛАВЯНСКИЙ ПЕРИОД ЭТНОГЕНЕЗА НАСЕЛЕНИЯ

УКРАИНЫ..... 50

Рецензии

Коринько Д. И.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИМИДЖ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА..... 59

Summary 60

Origin of language and culture: ancient history of mankind

CONTENTS

Origin of language

Mosenkis Yu. L.

UNIVERSAL PROTO-LANGUAGE: HISTORY OF QUESTION
AND STATEMENT OF PROBLEM 5

Malovichko A. V., Kozyrski W. H.

PALAEOLITH AND LANGUAGE MONOGENESIS
(LANGUAGE MONOGENESIS — II)..... 10

Language and History of Culture

Kaznatcheyev V. P., Trofimov A. V.

INTRODUCTION IN A PROBLEM OF "ARCHEOLOGY" OF INTELLECT 19

Mosenkis Yu. L.

LANGUAGE AS REFLECTION OF ARCHAIC SENSE OF JUSTICE 32

Researches

Koncha S. V.

TO RECONSTRUCTION OF INDO-EUROPEAN MYTHOLOGY 36

Ancient buildings

Boukalov A. V.

SPHINX AND OTHER RIDDLES OF THE EGYPTIAN HISTORY 45

Discussion

Berdyshev G. D.

BEFORE SLAVIC AND EARLY SLAVIC PERIOD OF ETHNOGENY OF THE POPULATION
OF UKRAINE 50

Review

Korinko D. I.

INTERNATIONAL IMAGE OF KOREAN LANGUAGE 59

Summary 60

Происхождение языка

УДК 81

Мосенкис Ю.Л.

ОБЩЕМИРОВОЙ ПРАЯЗЫК: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ

Рассмотрены история и некоторые лексические свидетельства теории общего происхождения языков мира.

Ключевые слова: происхождение языка, сравнительное языкознание, моногенез.

(Продолжение. Начало в № 1/07)

Антропология

Тезис о биологическом единстве человечества, принадлежности всех современных людей к одному биологическому виду сейчас, кажется, никем в науке не подвергается сомнению. Это означает общее происхождение всего современного человечества от некой локальной группы предков, проживавших на относительно ограниченной территории.

Вопрос о скрещении человека современного вида (*Homo sapiens* или *Homo sapiens sapiens*, если признавать неандертальца не отдельным видом, а подвидом *Homo sapiens neanderthalensis*) с более ранними представителями человеческого рода (например, с тем же неандертальцем или синантропом, как это иногда предполагают для Восточной Азии) остается открытым и соотносится с проблемой возможного наличия в языках современного типа неких субстратных остатков языков более примитивных типов. М.Сводеш, кстати, рисуя картину распространения языковых макросемей около 25 тысяч лет назад [Swadesh 1972, p. 225], предполагал наличие на периферии ойкумены (Африка, Южная Америка, Австралия) ныне утраченных языковых макросемей.

В нашу задачу не входит рассмотрение проблем антропогенеза и современных дискуссий на эту тему. Однако считаем необходимым обратить внимание на отдельные моменты. Во-первых, современные высшие обезьяны (наиболее близкими к человеку среди них считаются шимпанзе бонобо) некоторыми исследователями рассматриваются как результат регресса существ, находившихся на пути эволюции к человеческому состоянию. Во-вторых, уже у высших обезьян обнаруживаются элементы общественной организации [Морен 1995], ритуала и даже магических действий (танец самцов с целью прекращения дождя), что заставляет считать этих животных более близкими к человеку, чем предполагалось ранее. Выдающийся польский лингвист Р.Стопа даже пытался установить параллели между выкриками обезьян и корнями самых архаических современных языков — бушменских, а В.Головин рассматривал звуковые образования вроде *ням-ням* как «слова» еще обезьяньего языка, унаследованного человеком. Наконец, следует более внимательно отнестись к роли в эволюции человека карликовых форм, значение которых подчеркивалось в антропологии, этнографии и лингвистике рубежа XIX и XX веков (Ю.Кольман, В.Шмидт) и постулируется современной генетикой, предполагающей, что «генетический Адам» был именно пигмеем.

Предполагается, что группа генетических предков всего современного человечества жила приблизительно 200–100 тысяч лет назад на сравнительно небольшой территории в Африке, а затем постепенно расселилась по всему обитаемому миру.

Не раз была высказана совершенно правильная мысль о том, что признание общего происхождения (моногенеза) человечества неизбежно приводит к признанию моногенеза языка. Этот вывод был бы ошибочен, если бы язык возник уже после расселения и расовой дифференциации человечества. Однако исследователи предполагают наличие зачатков языка уже у австралопитека, что подразумевает разветвление языков в ходе расселения человечества, вместе с человечеством.

Итак, время возникновения человека и его языка как такового может рассматриваться как нижний предел существования общемирового праязыка. Верхний же предел определяется временем массового расселения людей современного вида — из Африки сначала в Европу и Азию, а затем в Америку и Австралию в период 100–30 тысяч лет назад.

Палеодемография

Динамику численности населения Земли на ранних этапах человеческой эволюции оценивают не совсем одинаково [Андрианов 1978, с. 21; Борисковский 1979, с. 166; Бунак 1980, с. 202–203; Демографический 1985, с. 109; Древние 1989, с. 21; Матюшин 1972, с. 36]. По приблизительным оценкам в период около 200–100 тысяч лет назад общая численность людей на планете не превышала 100 тыс. человек, а заселенная площадь измерялась максимум несколькими миллионами кв. км.

Существует довольно распространенное мнение о том, что люди эволюционно разных стадий (австралопитеки и представители рода *Номо*, как и позднее — неандертальцы и крома-ньонцы) могли жить рядом, даже в одном ареале [Бунак 1980, с. 34; Елинек 1982, с. 66, 102; Мажуга, Хрисанфова 1989, с. 98]. И языки таких людей пребывали, естественно, на различных стадиях эволюции. Каждый новый вид расселялся из региона своего возникновения, и, например, неантроп (кроманьонец) определенной местности не обязательно был потомком палеоантропа этой местности, а мог придти туда из другого места — места возникновения своего вида.

В целом учитывая среднее количество говорящих на языках современной языковой семьи и размер занимаемой ими территории можно предполагать, что на ранних этапах человеческой эволюции языки людей одного биологического вида на одном хронологическом срезе представляли собой одну семью или даже «диалекты» одного языка.

Палеопсихология

Данные палеопсихологии (в частности, исчисление объема мозга первобытного человека разных этапов эволюции) и сравнительной психологии (исследование дифференциальных и интегральных признаков психики животных, прежде всего приматов, и человека) позволяют ориентировочно определять уровень мышления человека на каждом этапе его эволюции и опосредованно говорить о степени развития языка. Так, сравнительное изучение эндокранов ископаемых гоминид указывает на относительно малое развитие цитоархитектонических полей, связанных с речевыми функциями [Бунак 1980, с. 128].

Переход от «животного языка» (общего для всех особей и популяций вида) к человеческому мог быть только постепенным и очень длительным. На первых этапах развития человеческого общества психофизиологических предпосылок для его полиглотизма не было. Язык в его зародышевом состоянии, очевидно, был достаточно жестко детерминирован внутренней организацией человека — как биологической, так и психической.

По словам Л.Леви-Брюля, различным типам мышления должны были бы соответствовать различные по своей структуре языки [Леви-Брюль 1930, с. 95]. Вполне понятно, что более простой психической организации первобытного человека соответствовал и более простой язык, а чем проще система, тем менее у нее возможностей варьирования.

Артикуляторика

Идентичность строения голосового аппарата представителей не только разных народов, но и разных рас мотивирует отсутствие артикуляционных барьеров между языками: считается, что любой человек, начав достаточно рано, может изучить любой язык, сколь угодно сильно отличающийся от языка его предков, как родной. Еще Августин Блаженный подчеркивал, что язык человека — не врожденный, а приобретенный, зависимый от окружения [Августин 1905, с. 360]. Возможность усвоить любой язык даже как родной считают свидетельством общего происхождения и недавней дифференциации языков [Глаголев 1894, с. 511].

Чрезвычайно важным является исследование голосового аппарата первобытного человека на основании антропологических данных. Полученные путем реконструкции результаты [Всемирная 1956, с. 37; Леонтьев 1963, с. 66–67, 85; Линден 1981, с. 74; Мажуга, Хрисанфова 1989, с. 135; Панов 1983, с. 52–54] позволяют утверждать, что неандерталец, а тем более его предки, не мог артикулировать вокалический спектр и произносил только один гласный нечеткого характера (это мнение полностью соответствует результатам лингвистического исследования — реконструкции моновокалического состояния языка на ранних этапах его существования, т.е. наличия в языке лишь одного нечеткого гласного). Предположительно отмечают и значительно меньшие возможности первобытного человека в плане артикуляции согласных. Ясно, что на ранних этапах эволюции языка для более-менее значительной дифференциации используемых звуковых сигналов (и, соответственно, ветвления языков) не было артикуляционных условий. Здесь стоит вспомнить жестко ограниченное количество звуковых сигналов обезьян (которые в то же время способны, как показали эксперименты, оперировать с набором понятий, на порядок превышающим набор «слов», но выраженным жестами или рисунками).

Археология

Наличие у человека общей первобытной культуры (от орудий труда до первобытного искусства) на всей территории его расселения, при минимальном и позднем характере локальных различий, косвенно свидетельствует о соответствии особенностей языка (его изоморфности) особенностям культуры: на фоне единства культуры на огромных пространствах и в течение очень длительного времени следует предполагать единство языка и его исключительную стойкость в отношении каких-либо изменений.

Типологические представления о первобытном языковом состоянии, раннеиндоевропейском праязыке и детской речи

Утверждения В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 1984, с. 343 и др.], Я.Гримма, А.Шлейхера [Звегинцев 1964, т. 1, с. 65–67, 115] об «аморфном», изолирующем характере первобытного языкового состояния в основном разделяются и языковедами XX в. Не вызывают, кажется, сомнений такие черты первобытного языка, как односложность слов [Булаховский 1925, с. 35; Булаховский 1975, с. 201; Канцельскон 1949, с. 61; Никольский, Яковлев 1949, с. 38, 48; Происхождение 1951, с. 273; Федоров 1958, с. 19], наличие только одного гласного, что означает лишь произносительную функцию гласного при наличии силлабем=слогофоном [Леонтьев 1963, с. 69–70; Происхождение 1951, с. 278; Федоров 1958, с. 19; Шеворошкин 1969, с. 175, 180], отсутствие дифференциации частей речи, синкретизм семантики, тождество слова и предложения [Донских 1984, с. 86; Кацнельсон 1949, с. 59, 65; Никольский, Яковлев 1949, с. 37, 38, 44; Происхождение 1951, с. 272–273; Федоров 1958, с. 19]. Важно отметить, что такие представления в основном являются результатом общетеоретических построений.

Концепция типологии индоевропейского праязыка раннего периода построена в результате обобщения реконструкций, осуществленных сравнительно-историческим методом, с дальнейшей внутренней реконструкцией. Несмотря на другой объект и другой подход, получены результаты, близкие к предыдущим. Индоевропейский праязык раннего периода представляется как моновокалический (содержащий лишь один гласный) [Андреев 1957; Макаев 1977, с. 51, 87; Семереньи 1980, с. 138; Успенский 1965, с. 27, 187], что по сути означало отсутствие фонологически значимых гласных [Трубецкой 1960, с. 107], имеющих односложные слова-корни [Андреев 1957; Семереньи 1980, с. 149; Успенский 1965, с. 136] и слогофонемы, в нем не дифференцировались именные и глагольные основы [Макаев 1977, с. 51, 87], и все это позволяет говорить об изолирующем характере раннеиндоевропейского праязыка, который типологически представляется подобным древнекитайскому.

Детская речь, в отличие от двух предыдущих объектов, доступна для непосредственного исследования. Слова в ней сначала односложны и имеют структуру, состоящую из согласных

го и гласного (затем удваивающихся), по значению слово сначала равно предложению. Таким образом, и детская речь на раннем этапе представляет собой изолирующий тип.

Как видим, представления о первобытном состоянии человеческой речи косвенно подтверждаются как данными реконструкции конкретного (индоевропейского) праязыка, так и наблюдениями над ранней стадией детской речи (которая в онтогенезе, как многие предполагают, повторяет филогенез).

Гипотеза о первичности изолирующего языкового типа требует тщательной проверки на неиндоевропейском материале. В ряде языковых семей засвидетельствован переход от односложного слова к двусложному (например, в тибетском [Рерих 1961, с. 64], австронезийских [ср. Сравнительно-историческое 1982, с. 214 и Лингвистический 1990, с. 13]). В целом наблюдается закономерность: корни изолирующих языков односложны, неизолирующих — односложны или двусложны. Нами было предложена гипотеза об одном из возможных путей образования двусложного слова из односложного в результате удвоения и дальнейшего расподобления (диссимиляции) согласных с одновременной дифференциацией значения (эту гипотезу предполагается рассмотреть в дальнейшем специально в отдельной статье).

В целом эволюция человеческих языков представляется как движение от простых изолирующих форм (звук=корень=слово=предложение) к более сложным, а древнейший язык первых людей современного вида — как набор из сотни-двух коротких звуковых форм.

Источники формирования человеческого языка

Источниками исходного звукового материала человеческой речи могли выступать

- а) непосредственное звукоподражание;
- б) звукоимитация (передача голосом неслуховых — зрительных, вкусовых, осязательных и других ощущений);
- в) аффективные выкрики;
- г) детский лепет.

Универсальный характер звукоподражательно-звукоимитационных слов отмечал еще Платон в «Кратиле» — очевидно, первой в мире специальной работе не только по общему языкознанию, но и по теоретической фонетике. Единство законов образования таких слов во многих языках обосновано многими исследователями.

Схожесть аффективных выкриков в разных языках объясняется общностью артикуляционно-физиологических особенностей человечества. Эти слова представляют доречевую стадию и близки к выкрикам приматов.

Теми же артикуляционно-физиологическими причинами мотивирован надсемейный, иррелевантный относительно языковой семьи характер детских слов. Известный лингвист и популяризатор языкознания А.М.Кондратов поставил остроумный вопрос: почему языки людей различны, когда лепет младенцев всего мира одинаков? [Кондратов 1978, с. 148].

Языковые универсалии

Языковые универсалии, как известно, охватывают фонетику, семантику, морфологию и синтаксис. На всех языковых уровнях есть интегральные признаки, объединяющие многие языки мира. С использованием универсалий можно описать «человеческий язык вообще». Отсутствуют принципиальные отличия между системами современных языков, нет «совершенно уникальных» в каком-либо отношении языков или языковых семей.

Современная теория диахронических универсалий опирается на утверждение о системной близости архаических языков и поздний характер вариативности новых языков, об одноподчиненности языковой эволюции [Лингвистический 1990, с. 76]. Эти положения по сути представляют собой ни что иное, как развитие концепции о движении языков от изолирующих до флективных, выдвинутой сравнительно-историческим языкознанием XIX в., и более поздней теории «единого глоттогонического процесса» и «стадиальной типологии» Н.Я.Марра.

Универсалии понимают как черты, присущие “человеческому языку как таковому”, и объясняют их существование общечеловеческими психическими и артикуляционно-физиологическими факторами. Но некоторые универсалии могут быть остатками архаических языковых состояний. Особенно это касается лексических универсалий — общих слов в языках разных семей.

Таким образом, ряд экстралингвистических и лингвистических аргументов свидетельствует о вероятности существования общего источника языков мира и возможности его реконструкции.

Литература:

1. *Августин Блаженный*. Творения. — К., 1905. — Ч. 2.
2. *Андреев Н. Д.* Периодизация истории индоевропейского праязыка // Вопросы языкознания. — 1957. — № 2.
3. *Андреианов Б. В.* Земледелие наших предков. — М., 1978.
4. *Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества. — Л., 1979.
5. *Булаховський Л. А.* Вибрані праці. — К., 1975. — Т. 1.
6. *Булаховський Л. А.* Походження та розвиток мови. — Х., 1925.
7. *Бунак В. В.* Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. — М., 1980.
8. Всемирная история. — М., 1956. — Т. I.
9. *Глаголев С.* О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого. — М., 1894.
10. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. — М., 1984.
11. Демографический энциклопедический словарь. — М., 1985.
12. *Донских О. А.* Происхождение языка как философская проблема. — Новосибирск, 1984.
13. Древние цивилизации. — М., 1989.
14. *Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. — Прага, 1982.
15. *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — М., 1964. — Ч. 1–2.
16. *Кацнельсон С. Д.* О возникновении речи. — Л., 1949.
17. *Кондратов А. М.* Звуки и знаки. — Изд. 2-е. — М., 1978.
18. *Левин-Брюль Л.* Первобытное мышление. — М., 1930.
19. *Леонтьев А. А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. — М., 1963.
20. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
21. *Линден Ю.* Обезьяны, человек и язык. — М., 1981.
22. *Мажуга П. М., Хрисанфова Е. Н.* От вероятного к очевидному. — К., 1989.
23. *Макаев Э. А.* Общая теория сравнительного языкознания. — М., 1977.
24. *Матюшин Г. Н.* У колыбели истории. — М., 1972.
25. *Морен Э.* Утраченная парадигма. — К., 1995.
26. *Никольский В. К., Яковлев Н. Ф.* Как возникла человеческая речь. — М., 1949.
27. *Панов Е. Н.* Знаки, символы, языки. — М., 1983.
28. Происхождение человека и древнее расселение человечества. — М., 1951.
29. *Рерих Ю. Н.* Тибетский язык. — М., 1961.
30. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. — М., 1980.
31. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Задачи и перспективы. — М., 1982.
32. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. — М., 1960.
33. *Успенский Б. А.* Структурная типология языков. — М., 1965.
34. *Федоров А. И.* Происхождение языка. — Л., 1958.
35. *Шеворошкин В. В.* Звуковые цепи в языках мира. — М., 1969.
36. *Swadesh M.* The origin and diversification of language. — London, 1972.

Статья поступила в редакцию 23.05.2007 г.

Об авторе:

МОСЕНКИС Юрий Леонидович — доктор филологических наук, профессор Национального университета «Киево-Могилянская академия», исследователь проблем общего происхождения языков мира, древних письменностей и языков неизвестного происхождения (пиктского, этрусского, шумерского, айнского и др.), мифологического мышления.

E-mail: trypillia@narod.ru

Сайт: www.trypillia.narod.ru

УДК 151.21: 151.31: 151.41: 151.81 + 81

Маловичко А. В., Козырский В. Г.

ЭПОХА ПАЛЕОЛИТА И МОНОГЕНЕЗ ЯЗЫКА (МОНОГЕНЕЗ ЯЗЫКА – II)

Приведены новые аргументы и нетривиальные иллюстративные примеры в пользу моногенеза языка.

Ключевые слова: языкознание, компаративистика, моногенез языка, ностратическая теория, хамитские языки, дивергенция языков.

Проблемы происхождения и развития языка древнего человека имеют длительную историю. Весь двадцатый век боролись сторонники гипотезы моногенеза языка и их оппоненты. Причем большая часть лингвистов зачастую просто не задумывалась над тем, что возможно определение и исследование территории прародины всех языков (т. е., по нашему мнению, языка архантропа), что дало бы, несомненно, дополнительные аргументы в пользу гипотезы моногенеза. Связано это еще и с тем, что только к концу XX века стала довольно четко прорисовываться картина моногенеза человека. И родиной человечества отчетливо выступает Африканский континент. Поэтому изучение африканских языков могло бы предоставить убедительные иллюстрации происхождения человека.

Мы поставили перед собой следующую задачу: пользуясь результатами, полученными палеоархеологами, палеоантропологами и генетиками за последние 20–30 лет, которые в один голос говорят об африканской прародине человека, мы хотим изложить наше видение появления первичного языка, выход его носителей из Африки и сохранение этого названного нами «единообразным» [1] языка в эпоху нижнего палеолита носителями «единообразной» технологии обработки камня [2].

Следует заметить, что понятие, близкое к «единообразному» языку использовал Моррис Сводеш в статье «Лингвистические связи Америки и Евразии» [3]. Он писал: «Кажется очень вероятным, что связи американских языков базируются в основном на их общем происхождении из одной сравнительно однородной совокупности диалектов, существовавшей в отдаленном прошлом».

Статья М. Сводеша написана задолго до того, как были сделаны выдающиеся открытия в палеоантропологии и в палеоантропогенетике. Поэтому до самого последнего времени лингвисты, да и представители других наук не имели привязки ни к временной шкале биографии человека, ни к территории его возникновения.

Однако надо упомянуть еще и о том, что думают (или думали) о проблеме языка не только лингвисты. Среди лингвистов распространено мнение, что проблема исключительно лингвистическая. Ученые же, занимавшиеся палеоантропологией, т. е. происхождением древнейшего человека [4], убеждены, что «...происхождение языка представляет собой экстралингвистическую проблему, т. е. проблему, целиком лежащую за рамками лингвистической науки, комплексную, т. е. решаемую усилиями разных дисциплин, а то и вообще не решаемую не только на современном уровне развития науки, но и принципиально».

Аналогичную мысль высказал французский лингвист Ж. Вандриес, книга которого «Язык» была переведена в 1937 году [5]: «Когда говорят, что проблема происхождения языка не относится к языковедению, это всегда вызывает удивление. Однако же это истина. Непонимание её вводило в заблуждение большинство писавших о происхождении языка за последние сто лет. Главная их ошибка была в том, что они подходили к своей задаче со стороны лингвистической, смешивая происхождение языка с происхождением отдельных языков».

Полностью соглашаясь с автором этой цитаты и добавляя, что, если происхождение языка — это творческий процесс «изобретения звуковых информационных сигналов», т. е. слов, для всеобщего, первоначального (первичного) языка, который мы назвали «единообразным» [1], то происхождение отдельных языков — это процесс «преобразования» уже существующих языков, в языки, характерные для изолированных с какого-то времени сообществ, которые позднее стали носителями языков определенных языковых семей. Эти сообщества уже имели базисную

лексику, которая, по нашим представлениям, была лексикой «единообразного» языка. К этой базисной лексике, как мы уже говорили, добавлялась лексика, изобретенная в отдельных сообществах в более поздние эпохи (среднего и верхнего) палеолита.

Разумеется, все эти процессы были весьма протяженны во времени. Даже представить себе очень трудно, насколько медленно протекали процессы развития человека. И в то же время можно понять, когда могли произойти радикальные изменения и во внешнем облике человека, и в его психике, и в образе мыслей. Под изменением образа мысли мы понимаем появление зачатков религии.

Мы, однако, не можем согласиться с утверждением Ж. Вандриеса, который в уже цитированной книге выразился так: «Мысль о том, что путем сравнения существующих языков, можно восстановить первичный язык, — химера». Другими словами, Ж. Вандриес считает, что, впрочем, неудивительно, что от древнейшего «первоначального» языка ничего не осталось. Действительно, если руководствоваться теорией глоттохронологии (правда, в 1937 году она еще не была разработана), согласно которой лексика любого языка полностью обновляется в течение 2 тыс. лет, то вряд ли у кого бы то ни было возникнет мысль о том, что лексика древнейшего африканского охотника могла возникнуть раньше миллиона лет назад и что эта лексика способна «дожить» до наших дней. Видимо, поэтому в трудах лингвистов [3, 6, 7] нет и намека на привязку лексики, которую они считают мировой [6], к какой-либо территории, не говоря о территории прародины человека и его языка (которой, как выясняется, действительно была Африка). Нет такой привязки и ко временной шкале.

Здесь необходимо привести также сведения о непонятно большом количестве лексики в так называемом общемировом праязыке, а также о выдающемся труде, опровергающем предположение Ж. Вандриеса. Речь идет о книге «Опыт сравнения ностратических языков» (сокращенно ОСНЯ), Владислава Марковича Иллич-Свитыча [8], при чтении которой у читателя может возникнуть вопрос: как объяснить существование одинаковых по форме слов (разумеется, с одинаковыми значениями), в самых разных языках ностратической языковой макросемьи, если не предположить их происхождение от лексики какого-то древнейшего первичного и единственного на то время языка? Правда, сам автор Словаря ОСНЯ не занимался проблемой местонахождения прародины ностратических языков (наверное, не успел).

Большинство лингвистов, занимающихся проблемой происхождения языков, считают, что территория, на которой человек «изобрел» первые слова была территория Ближнего Востока (см., например, гипотезу о прародине сино-тибетских языков в Западной Азии, изложенную в [9]), или гипотезу Дж. Гринберга [10].

Однако трудно представить себе, что начав трудовую деятельность по изготовлению орудий труда из камня еще в Африке, человек оставался немым в течении нескольких сотен тысяч лет до выхода его с прародины и появления языка западной части Ближнего Востока. Даже животные имеют свой язык, не говоря о языке приматов.

Известно, что среди ностратических языков существует семито-хамитская языковая семья (которую с некоторых пор называют афроазиатской макросемьей языков). Языки, на которой разговаривает часть носителей этих языков, проживающих в Африке, называются хамитскими. Если следовать теории происхождения первичного языка на Ближнем Востоке, то надо было бы представить себе, что носители хамитских языков (и других африканских языков), должны были бы после «изобретения» первичного языка на Ближнем Востоке, вернуться туда, где родились их предки, передав еще немым африканским охотникам, которые не покидали родины, свой первичный язык. Такая модель появления языка вряд ли может быть принята.

Идея о древнейшем первичном языке, который мы назвали «единообразным», возникла у нас после того, как выяснилось, что после выхода архантропа из Африки на огромной территории, включавшей Европу, Ближний Восток, Индостан и саму Африку, в течении нескольких сотен тысяч лет существовала единообразная технология изготовления каменных орудий, что стало основой предположения Дж. Д. Кларка «о едином образе жизни» древнейшего охотника [2].

Вторым нашим предположением было следующее: если Африка была родиной всех языков, то лексика хамитских языков ностратической языковой макросемьи должна быть близка к лексике других африканских языковых семей (не ностратических).

Что касается проблемы «близости» (или сходства) лексики двух сравниваемых языков, то есть, основной проблемы компаративистики, то об этой важнейшей и непростой проблеме можно сказать следующее: правильные компаративистские исследования подразумевают, в первую очередь, исследования базисной лексики. Можно, конечно, исследовать лексику, которая входит в состав 100- и 200-словных списков М. Сводеша. Но если вспомнить, что в настоящее время насчитывается свыше 4-х тысяч языков, можно представить себе, какая это непомерно сложная по объему задача даже для компьютеров. Ведь нельзя же бездумно загружать компьютеры таким количеством лексики, а затем пытаться анализировать такой огромный фактический материал.

Поэтому мы предложили ограничить рассматриваемую лексику только 35-словным списком С. Е. Яхонтова «наиболее устойчивых (во времени) слов» [11]. Однако в этом списке нет глаголов, которые описывают действия связанные с добычей пищи. По нашим предположениям, наиболее актуальными и первичными для передачи информации должны были быть глаголы, которые обозначают действия первобытного охотника: ‘бить’, ‘резать’, ‘рубить’, ‘кусать’, ‘хватать’, ‘ловить’, ‘жевать’, ‘есть’, ‘глотать’ и т. п. и глаголы, описывающие действия при рождении потомства, его кормлении и защите: ‘самка’, ‘ребенок’, ‘молоко’, ‘кормить’, ‘защищать’ и т. п. Ясно, что без такой лексики человеку не обойтись и поэтому такая лексика, возможно, более стабильна, чем какая-либо иная.

Таким образом, если продемонстрировать общность некой (предлагаемой нами) лексики в каких-либо африканских языках, а затем найти ту же лексику в таких же формах в языках Евразии (желательно, и Америки), то это стало бы веским доказательством предлагаемой нами гипотезы, которую мы формулируем так:

а) первичный («единообразный») язык африканских охотников появился в эпоху нижнего палеолита задолго до выхода архантропа с прародины;

б) «единообразный» язык очень долго существовал у всех тех, кто вышел за пределы Африки и обладал «единообразной» технологией обработки каменных орудий, благодаря предполагаемому (не только нами) единому образу жизни;

в) элементы первичного «единообразного» языка распространились по всем континентам вместе с расселившимися носителями, начиная уже с эпохи нижнего палеолита. И эти элементы разбросаны случайным образом в самых разных современных языках. В некоторых языках они не дожили до нашего времени, а в других дожили в очень небольших количествах.

В качестве примера распространения одинаковой лексики по всем континентам рассмотрим несколько близких, на наш взгляд, праформ из Словаря В. М. Иллич-Свитыча [8]. Этот Словарь мы обозначаем И-С. Это глаголы, обозначающие действия охотника по обеспечению потребности в пище. Из [8] И-С № 157 каму ‘хватать, сжимать’. В сем.-хамит. языках праформа km ‘хватать, брать, сжимать’; в и-е (т. е., в индоевропейских) языках gem ‘хватать, брать, сжимать’; в урал. (уральских) kama-la/koma-гЛ ‘горсть, пригоршня’; драв. kamΛ ‘хватать, брать, держать’; алт. каму ‘хватать, брать, сжимать’.

Рассматривая эти вопросы с точки зрения того, что сказано выше, стоило бы обратить внимание на факты наличия такой формы, в первую очередь, в хамитских языках: бербер.: туарег. ektet ‘сжимать’; чадск. *km: хауса kāmà ‘ловить’, мусугеу kaw ‘хватать’, гидер gema, масса čim ‘брать’. Необходимо выделить аналогичную лексику из других языков: урал. энецк. хамтага ‘рука’, драв.: телугу самиси ‘держат, хватать’, алт.: тюрк. каракалп. ногайск. kamty ‘хватать, схватывать’, тунг.: орокск. каму-і ‘взять в охапку’. Разумеется, аргументацию изложенного можно усилить, если найти подобную лексику в африканских нехамитских языках. Действительно, такая лексика обнаружена: суахили и лингала kamata ‘хватать, ловить’.

Мы уже отмечали, что в Словаре [8] представлены схожие праформы с такими же значениями: И-С № 190 k’aba/k’ара ‘хватать’, которая существуют во всех шести ностратических языковых семьях. В хамит. языках: кушит.: *qb: билин gab ‘держат’, сахо kab ‘брать, схватывать’,

сомали qab ‘брать, держать, иметь’, хауса kama ‘хватать, ловить’, и т. п. С. А. Старостин (Ст) тоже приводит подобную форму, существующую в алт. языках [10]: Ст № 318 *k’ap’V — ‘хватать, держать’.

По нашему мнению, нельзя не обратить внимание на подобные же праформы из Словаря: И-С № 133 ?EmΛ ‘хватать, брать’; И-С № 180 kAmΛ ‘кусающееся насекомое’; И-С № 242 kumΛ ‘глотать пожирать’, и не отметить, что подобные формы с теми же значениями существуют в самых разных современных языках: в тагальском ‘хватать’ kapitan, в тайском ‘кусаться’ — kam, в суахили kiuta ‘тот кто кусается’, в украинском хапати (читается: хапаты, а не хапати) ‘хватать’. Хотя базисная украинская лексика имеет несколько оригинальных форм, т. е. она не похожа на другие славянские формы, она в ОСНЯ почему-то вообще не рассматривается.

Выше мы предположили, что «единообразная» лексика должна была распространиться по всей Евразии и даже на американский континент. Это предположение можно было бы проверить, если найти в североамериканских языках лексику, подобную «единообразной» (мы не имели возможности проверить центрально- и южноамериканскую лексику). Не имея возможности осуществить поиски нужной лексики в журналах последних лет, мы воспользовались формами лексики североазиатских и североамериканских языков, которые приводит в своей статье М. Сводеш [3].

Если приводить в качестве примеров только те формы, которые явно подобны, то можно прийти к выводу о том, что количество сравниваемых языков можно уменьшить. Например, мы убедились, что для африканских языков достаточно использовать формы двух языков: из языков банту — суахили, а из хамитских — хауса.

К сожалению, мы не имели возможности привлечь для сравнения бушменские языки.

У читателя статьи может создаться впечатление, что предложенное решение проблемы происхождения языков не опирается на традиции лингвистов-индоевропейцев. И это действительно так. Причем одной из причин отказа от таких традиций явилось совершенное неприятие «основополагающих идей» решения этно-лингвистических проблем. Мы, конечно же, не можем опираться в своих соображениях, например, на такие «перлы» [12]: «Так носители ностратического праязыка были, бесспорно, европеоидами, о чем, в частности, свидетельствуют палеоантропологические находки, по месту и времени соответствующие предполагаемой прародине ностратической языковой общности». Читатель, наверно, должен понимать это так: хотя местонахождение территории прародины ностратического праязыка только лишь предполагается, но те, кто тут жил, был, бесспорно, европеоидом. Следует отметить, что именно такие «основополагающие идеи» переводят фундаментальную науку в разряд прикладного к политике ремесла. И происходит это, по-видимому, потому, что за дело берутся люди, одержимые славянским, германским, арийским, индоевропейским, европеоидным, советским (и любым другим) шовинизмом, которые не видят, а главное, не желают видеть дальше своего собственного носа. Разве не с такими же явлениями мы встречались на протяжении всего XX века, и не только в Союзе? Благодаря вот такому представлению о прошлом многих народов, изучение их этноистории ограничивается и в настоящее время. А задерживается изучение этноистории народов из-за неопределенности происхождения «главных людей современного вида», т. е. индоевропейцев. Наше понимание этой проблематики будет изложено несколько ниже.

Мы основываемся в нашей работе на фактическом лексическом материале, который, скорее всего, свидетельствует о существовавшем когда-то в действительности древнейшем «единообразном» в нашем понимании языке, от которого осталась значительная часть древней лексики, разбросанная иногда совершенно случайным образом по многим языкам Африки, Евразии и даже Америки.

Какую же лексику можно называть древнейшей? На основании чего можно делать такие заявления? Мы считаем необходимым особенно подчеркнуть, что невозможность объяснения каким-либо разумным образом существование одинаковой по форме лексики в самых различных языках Африки и Евразии (и Америки) позволяет предположить, что наша гипотеза «единообразного» языка может оказаться близкой к истине, насколько это возможно говорить о явлениях многотысячелетней давности. И лексика, «разбросанная» в самых различных языках (и

даже в таких изолированных, как нивхский, баскский, бурушаски и др.), вероятно была лексикой «единообразного» языка.

Ниже мы приводим результаты наших исследований лексики первоначального «единообразного» языка африканских охотников-архантропов. Мы пользовались праформами, полученными В. М. Иллич-Свитычем [8] для ностратических языков, и праформами, полученными С. А. Старостиным для алтайских [11] и енисейских [12] языков. Здесь мы используем также данные из книги Дж. Гринберга [10].

1. 'Я'. Это слово имеет три главные праформы: *mä*, которая распространена в языках всех шести ностратических языковых семей (см. И-С № 289); *ni* (*na*, *ny* и т. п.), которая разбросана в разных языках Африки, Евразии и Америки: суахили (*swah*) *ni-*; луганда (*lug.*) *n-*, *nze*; лингала (*ling.*) *na-*; хауса (*hau*) *ni*; сомали (*som.*) *aniga*; тамильском (*tam.*); в алтайских (*Alt*) *na*, албанском (*alb.*) *unë*, нахско-дагестанских (НД) *ny*, в лакском *-na*, , даргинском *ni*; баскском (*Bask.*) *ni*, *neu*, в древнекитайском (*an.-chin.*) *ñä*, в тибетском (*tib.*) *nga*, в нивхском (*niwx.*) *ni*, *ny*, *nyx*, в юкагирском (*jukag.*) *-ña*, в алеутском (*aleut.*) *-ñ*. На американском континенте: в квакиутльском (один из америндских языков) *ni*; в языке инук (эскалеутские яз.) *-ña*. М. Сводеш в [3] пишет: «Отметим также очень распространенное употребление *n-* в 1-м лице в языках Америки и во множественном числе в и.-е. **no-s* 'мы'».

2. 'Язык'. Праформы для этого слова дают И-С № 221 *k'ä[ñ]ä* 'язык' и Ст для алтайских языков № 422 *k'äliV* 'язык'. В сем.-хамит. языках такую форму мы заметили только в языке хауса *halše*, *harše* и в других африканских не-сем.-хамит. языках: в суданских *kalat*, в Нило-Сахарских языках: в языках гр. Берта *kula*, *unkala*, *halad*; в языках гр. Чари *kalat*. В урал. языках: финск. *kieli*, саамск. *käll*; в нивхском *hilx*. В языках на-дене: хайда *khilqa*. В америндских: гр. моса, в квакиутльском *k'l-m*, в языке нутка **k'ulm*.

3. 'Ты' — *ka*, *ke* и т. д. Такая форма этого слова встречается очень редко. В языках банту: луг. *ggwe*; хауса *kai*, *ke*, *ku* и в тагальском *ka*, *ikaw*. В большей части языков встречается другая форма, близкая к индоевропейской: *du/tu/te/ti/tin* (в баск. *te*). Для этого слова распространена и третья форма: *si*, *sinä*, *sä* в алтайских, а в монг. и нивх. *ši*, *šen* в картвельских и в тюркских *sä-n*. В алт. яз. существует еще одна форма Ст № 132 **na* 'ты'. В других яз.: там. *ni*, кит. *ni*, навахо (на-дене, апачская группа) *ni*, кутен. *ninko*, *-nis*, атапаск. (на-дене) *nī*, *ni*.

4. 'Два' — *bi*. Такая форма существует только в африканских языках (суах. *mbili*, луг. *bbiri*, X *biyu*) и, что удивительно, в баск. языке: *bi* 'два'. Этот факт может говорить о том, что будущие носители баскского языка пришли в Европу через Гибралтар. Только так можно объяснить происхождение слов в других европейских языках с префиксом *bi-* со значением 'два': бином, биполярный, бифуркация и т. п. По нашему мнению, нужно обратить внимание на существование в английском языке слов «единообразной» лексики).

5. 'Собака' — *kn/kan/ken*. Такой формы этого слова мы не нашли в тех языках банту, которые мы рассмотрели. Но она существует в кит. *quan* (хотя в словарях с русской транскрипцией это кит. слово записывается как *цюань*), и даже в изолированном нивх. языке: *kan* (*han*, *gan*). В некоторых европ. яз., в том числе в албанском *qen*. Такая форма встречается во многих языках Африки и Евразии: в чадских, кушитских, алт., и-е и др. В картв. языках это вторая часть в слове 'сука' — *дзу-кна*. В одном из эскалеутских языков (эскимосская группа), в яз. инук *qitmiq* 'собака'.

6. 'Рыба' — *kl*. Мы уже писали об этой основе слова в [1, 13, 14]. Она не обнаружена в рассматриваемых языках банту. Зато эта форма существует в чадских, кушитских, алтайских, уральских (в финском) и в отдельных сино-тибетских (в енисейских и бирманском). В нивх. калм — 'кит небольшого размера'. В картв. *kal-maxi* 'форель', причем вторая часть основы, *maxi* — это общее название 'рыбы' в персидском. В бирм. языке форма этого слова *хол-*, по нашему мнению, входит в состав названий разных пород рыб: 'лосось' — *схолеман*, 'кета' — *схолмоунга*. Подобная же форма существует в енисейских языках: *kol* — 'вид рыбы', *kolgu* — 'язь', *hola* — 'стерлядь'. В ПЧук. 'рыбья кожа' *qulyë-n*.

7. 'Знать' — *kn/sn*. В Словаре [8] есть две праформы для этого слова: И-С №42 *s'ina* 'знать', и №163 *kEN/* 'знать'. Первая праформа встречается в семито-хамитской и картв. язы-

ковых семьях. А вторая в с-х, карт. и индоевропейской (и-е) языковых семьях. По нашему мнению, обе праформы можно объединить в одну. Интересно одно схождение, которое может оказаться случайным: хауса 'знать' *sani, shina*, в яз. навахо — *sin*.

8. 'Глаз', 'смотреть', 'видеть' — *kan, k'an*. Эти три слова в некоторых языках имеют одну форму: Х *gani* — 'смотреть, видеть'; Там. *kān* — 'глаз, смотреть, видеть'; кит. *кань* — 'смотреть, видеть'; нахск. (нахские языки) — ган 'видеть'. Очень распространена форма для слова 'глаз', которая в Словаре [8] имеет праформу И-С №118 *Huk'a* — 'глаз, видеть', а в общеалт. лексике у С. А. Старостина [11] — *uka* — 'замечать, понимать'. Возможно, эти две формы: *kan* и *u/oka* когда-то произошли из одной.

9. 'Огонь'. Важнейшее слово для первобытного человека. Мы его рассмотрим вместе со словами, близкими к слову 'огонь'. Это 'гореть', 'жечь', 'жар (от огня)' 'горячий' и др. Мы считаем самой интересной формой основы этого слова *ot/at/ut*. Такие формы для этого слова интересны тем, что они встречаются, как в африканских языках банту (суахили (*swah.*): (*m*)oto — 'огонь', 'жар', 'гореть' и 'пламя' (еще и (*j*)oto 'жар'); лингала (*ling.*): *moto, mioto, bamoto* — 'огонь') и чадских: хауса (*hau.*) *wuta* — 'огонь'), но также, как ни странно, в Алт.: Ст 81 *ōt'a* — 'огонь', 'горячий', 'теплый'. Эта праформа присутствует и в и-е яз.: перс. (и тадж.) *ateš*, урду атиш (рус. транскр.). Интересно, что в урду существуют две формы слова 'огонь': *ātiš* и *agni* (вторая форма совпадает с формой этого слова в индийских, славянских языках и в латыни). В восстановленном общеалтайском [10] существует и третья форма для этого слова: Ст.23 *p'ōgV* 'огонь', 'пылать', о которой мы писали в работах [13,14,15]. К этой форме сводятся и германские формы. «Продолжения» таких форм для слова 'огонь', на американском континенте мы не нашли.

10. 'Гореть', 'жечь' — *ko/upa*. Такая форма для этих слов есть у И-С: № 95. У Ст. № 256 **k'ūŋV* 'гореть', 'подгорать': тюрк. **kun-*, *kun-tūg* — 'гореть, жечь, зажигать, обгорать, сажать', др. тюрк *kön*; монг. **kūn- kūni-* 'иметь запах, вкус подгорелого', дагур. *kunšun*. Тунг-Маньчж **xun(ŋ-gV) (*k-)* — 'подгореть, подгорелый', маньчж. литературный *kuŋ-šun*. Фактические данные лексики показывают распространение этой формы со значением 'гореть, огонь' на большой территории, захватывающей и Сев. Америку. Но следует особо подчеркнуть его существование в хамитских языках: куш. хауса: *kona* — 'гореть, жечь'. Такая форма распространена в языках Сев. Азии и Сев. Америки: Прачукотский (ПЧук.) *keny-et* — 'гореть', *уьп-* 'огонь'; коряк. *qanGaqan*, алеут. *qignaŋ*, инук. *iŋniq*, юк. *kiŋiq*, навахо. *khoN*, чпв. *Khun*, тлинг. (т) *хан* — 'огонь'; навахо. *k'āNl*, чпв. *-k'ān*, тлинг. *kan, qan* — 'гореть'. Из африк. языков: сомали *kulayl-ka* — 'жар, жара', *kul-ka* 'зной'. Сюда же, по-видимому, можно привлечь и нивх. *k'avla* — 'горячие угли, зной'.

11. 'Жар (огня)' — *k'ul*. Алт. Ст № 146 **k'ulV* (-ü-) 'зола, жар': тюрк **kūl* — 'пепел, зола'; Тунг-Маньчж **xuldū* — 'теплый, нагревать'; нанай. *xul'di*; ульч. орок. *xuldu*.

12. 'Кусать' — *kam/kem*. Этот и следующий пример мы уже рассмотрели выше и в работе [14].

13. 'Хватать' — *k'aba/k'ara*. Эта праформа, полученная И-С № 190 *k'aba/k'ar'a*, существует во всех ностратических языках.

14. 'Бить' — *s'ara*. Эта праформа И-С № 41 *s'ara* — 'бить, рубить', существует во всех ностратических языках, кроме карт. Есть оно и в яз. суахили: *šara* 'бить'. По нашему мнению, это слово намного позднее стало обозначать орудие обработки земли, 'мотыгу'. Например, укр. *сапа* — 'мотыга', итал. *zarra* — 'мотыга, кирка'.

15. 'Резать', 'рубить' — *kata*. Это слово в такой форме существует во многих яз., разбросанных по всей Евразии и Африке: суах. *kata* — 'резать, рубить'; тамил. катары — 'разрезать'; тагаль. *katauin* — 'резать скот'. В украинском: *катувати* 'мучить' (наверное, раньше имело значение 'резать или рубить')

16. 'Нож' — *kis/kes/kas*. И-С. № 196 *k'ācā* 'резать'. Эта форма существует во всех ностратических языках. А в значении 'нож' только в некоторых: туркм. *kaser* 'режущее оружие' и в др. яз. Особенно интересно, что эта форма существует в языках банту: суахили *kisu*, луганд.

ekis ‘нож’. Интересно, что и в шумерском такая форма *kaz, haz*, означает ‘резать’. Лат. *kas-tro* ‘обрезаю’, слав. *kosa* ‘орудие для косыбы’.

17. ‘Кора’ — *kar/kog/ker*. Очень во многих языках Евразии и Африки слово ‘кора’ имеет подобную форму.

18. ‘Гусь’. Во многих языках, которые мы рассмотрели, это слово имеет две формы: *bat/bad* и *guz/gaz/yaz/gas/gis*. Есть языки, в которых сл. ‘утка’ тоже имеет форму *bat*. Например, в яз. урду батах; в афганск. ‘гусь’ имеет два названия: бата и кааз; в нахских — бад. В мальгашском *gisa* – ‘гусь’. В картвельских *bat*’i ‘гусь’. Но самое интересное то, что форма *bat*, встречается в яз. банту: суахили *bata*, луганд. *embaata*, линг. *libata*. В изолированном языке бурушаски ‘гусь’ *balbat*. В там. ватты — ‘утка’.

19. ‘Черный’ — *kaqa*. И это слово с такой формой существует во многих языках Евразии и даже Сев. Америки.

20. ‘Рот’ — — *bag/bak/ak/ag*.

21. Слова ‘шерсть’, ‘волос’ и ‘шкура’ с основой (праформы) *rel/bal/bul* мы заметили в статье И. И. Пейроса [9], в которой идет речь о контактах между СТ и австронезийскими (АН) языками: СТ **prɛl* (звук *ɛ* обычно обозначают перевернутым *e*): древнекитайский (ДК) **phœj* — ‘тонкая шерсть’; тиб. *bal* — ‘шерсть’; канаури *ru* ‘волосы’; миджу *bul* ‘шерсть’, ‘перья’; АН *bulu* (АН языки это: тагальский, тоба-батакский, яванский, малагасийский, нгаджу, джийский, саа, полинезийский) **bulu* — ‘волос’. В словаре И-С, к сожалению, слова с такой формой нет. Наверное, следует сопоставить СТ и АН формам западноазиатские формы и в первую очередь картвельские (карт) и восточнокавказские (ВК): карт. *bumbuli, burt’qli* — ‘пух’ (в первом из этих слов мы имеем, по-видимому, часто наблюдаемую в карт. языках редупликацию), карт. *balani* ‘волосы на теле человека’, в даргинском и лакском *pala* — ‘шерсть, волос’, в нахских: ‘волосатый’ *baɬla*. В баскском ‘волос, шерсть’ — *bilo*, в индонезийском *bulu* ‘шерсть’. В языке хауса ‘шерсть’ — *wulan* (обращая внимание на сходство этого слова на англ., можно предположить его заимствование. Но такое утверждение трудно доказать. Неужели хауса не имели собственного слова для обозначения ‘шерсти’? Или, может быть, оно имело другую форму).

22. ‘Ребёнок’ — *bal/bag/ber*. В [8] праформа И-С № 32 *bAɬA* ‘ребенок’. Кроме с-х языков такая форма сохранилась в карт. и и-е языках. Алт. формы у И-С нет. Форма для общеалтайского получена в [10]. Это Ст. № 314 **baldV* ‘рождать(ся), ребёнок’. В с-х: кушитских **brt*: сахо (ироб) *bāga*, афар *bālā* ‘ребенок’. В карт.: занских: чан. *berɛ* ‘дитя, сын’. В и-е: албанский: *bir* ‘сын’, др.-исланд. *bur* ‘сын’, др.-верх.-нем. *bar* ‘ребенок’, ст.-литов. *bernas*, латыш. *bērn* ‘ребенок’. От себя добавляем: в англ. (шотл.) *bairn* ‘ребёнок’. В енис. [12] **pVl* — ‘ребенок’ (на одном из енис. языков, пумпокольском, *fala* — ‘сын’, *falla* – ‘мальчик’. Нельзя не заметить фантастическую параллель с французскими словами: *fil* — ‘сын’ и *fille* — ‘дочь, девочка’, которая может оказаться не такой уже фантастической, если учесть довольно часто встречающиеся параллели лексики европейских языков с лексикой языков, носители которых жили в районе Алтайских и Саянских гор и в верховьях Енисея [15]). Кроме того в карт. языках ‘птенчик’ — *bart’q’i*, ‘медвежонок’ — *beli*, ‘ребёнок’ (диал.) — *bal’i*. Нахская форма этого слова *ber* ‘ребёнок, дитя’, имеет сходство с непризнанной пока этрусской, интерпретированной нами, формой в словах: *regas*, которое мы переводим как ‘дети’, и *regri* — ‘роженица’ [16]. Второе слово совпадает с таким же словом в итальянском языке, что может говорить о связи этрусского языка с восточнокавказскими (ВК). Вышеприведенные факты говорят о том, что рассматриваемая форма слова ‘ребенок’, встречается, как в ностратических, так и в сино-кавказских языках. А если к сказанному добавить, замеченную нами связь ВК и алт. лексик [15], то, по-видимому, можно говорить об общей базисной лексике языков этих двух макросемей.

Мы надеемся, что исследования в этом направлении, возможно, прояснят ситуацию с европеоидами, которые когда-то жили на Алтае, а значительно позднее создали Афанасьевскую археологическую культуру.

Проблему дивергенции древнейшего языка (в нашей терминологии «единообразного») пока мало кто затрагивал в своих трудах. И причина этого в том, что еще не решена главная

проблема лингвистики: пока не известно, возникал ли каждый язык на своей особой территории или все языки вместе на общей.

При этом, одной из главных проблем древнейшей истории является пересмотр укоренившихся представлений о том, что если язык распространялся из Африки, то на других территориях уже жил кто-то из людей; или, непреодолимое пока представление о том, что, если, например, шумеры раньше всех начали записывать свои документы, то шумерский язык считается и сейчас самым древним, корни слов других языков надо искать в шумерской лексике; и еще многие другие представления, которые надо менять, (разумеется, исходя, в первую очередь, из языковых фактов) для того, чтобы можно было бы решить застарелые этнолингвистические проблемы.

Появление ностратической теории должно было бы стимулировать работы по поиску прародины хотя бы ностратических языков. Поскольку сама ностратическая идея подразумевала генетическое родство ностратических языков. А это, естественно, означает единую территорию их появления.

Не менее важной была проблема времени появления ностратических языков. И вначале вся эта проблема виделась как полигенез языков, вслед за полигенезом человека.

Но, как было сказано выше, предок человека превратился в человека в Африке. И, по нашему мнению, примерно 2 млн. лет назад начал выход из Африки.

Сейчас мы пересматриваем возможные сроки выхода человека из Африки в результате ознакомления с результатами новых и новейших исследований [17].

Надо сказать, что процесс расширения территории заселения архантропа, очень сложный процесс, поскольку нет уверенности в том, что из Африки не выходили, на протяжении нескольких сотен тысяч лет, вместе с прямыми предками человека и всякого рода гоминиды, дальние родственники человека по параллельным ответвлениям древа гоминид, которые тоже могли заселить те же территории, и которые тоже могли иметь какую-то свою лексику.

Следует отметить, что анализ вышеприведенной базисной лексики в плане ее схожести в различных языковых семьях позволяет сделать некоторые предварительные выводы. А именно, факты лексических параллелей между африканской лексикой (как хамитской, так и банту) с алтайской, в то время как индоевропейская базисная лексика имеет выразительные отличия, с учетом того важного обстоятельства, что алтайские языки имеют по две формы для таких слов, как 'я', 'язык', 'огонь', свидетельствуют в пользу нашего предположения, что процесс исхода архантропа из Африки был сложным многоступенчатым протяженным во времени процессом.

Весьма вероятно, что волны условного первого потока выходцев из Африки состояли из представителей *Homo erectus* и *Homo ergaster* с элементами базисной лексики, которую сегодня можно обнаружить в африканских языках и алтайских, а волны второго потока переселенцев из Африки состояли уже из представителей *Homo sapiens* с несколько отличной базисной лексикой, наблюдаемой ныне у европейцев.

По предположениям палеоархеологов, на полуострове Индостан произошло разделение носителей знаний технологий обработки камня на две основные части: на тех, кто изготавливал так называемые чопперы, и на тех, кто изготавливал рубила [18].

Изготовители рубил, в конце концов, обосновались в западной части Индостана, а их потомки уже через 2–3 сотни тысяч лет дали начало ностратическим племенам Западной Азии, изготовители же чопперов стали предками всех тех народов, которые в настоящее время живут на территории Восточной и Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании.

Рассматривая древнейшую лексику, можно, наверное, попытаться решить вопрос: какие языки можно считать генетически изолированными? Наверное, к изолированным можно отнести те языки, базисная лексика которых отличается от такой же лексики соседних и далеко не соседних языков. Согласно классификации языков, приведенной в книге [19], к изолированным языкам относят мертвые и современные языки Евразии: шумерский, баскский (согласно авторам классификации, возможно, относится к синокавказским), айнский (возможно, относится к австрическим), бурушаски (возможно, относится к синокавказским), кусунда, нахали, юкагир-

ский (возможно, близок к уральским или чукотско-камчатским), эламский, нивхский (возможно, близок к чукотско-камчатским).

Изолированными считают также мертвые доиндоевропейские языки Европы: этрусский (возможно, относится к синокавказским), лемно-пеласгский, лигурийский, нурагийский, пиктский, ретийский, тартессийский, иберийский и некоторые другие малоупоминаемые в литературе языки.

Мы не можем сказать, можно ли отнести, например, нивхский язык к изолированным, если несколько слов этого языка близки к лексике, определенной нами, как лексика «единообразного» языка: ‘я’ ni, ‘собака’ kan, ‘небольшой кит (т. е. ‘рыба’)’ kalm, ‘горячие угли, жар, зной’ k’avla, ‘язык’ hilx.

Л и т е р а т у р а :

1. Маловичко А. В., Козырский В. Г.. Происхождение человека и моногенез языка. // Соционика. №6, 2005.
2. Кларк Дж. Д.. Доисторическая Африка. М., 1977.
3. Сводеш М. Лексические связи языков Америки и Евразии. Этимология 64. М., 1965.
4. Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1989.
5. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
6. Мельничук А. С. О всеобщем родстве языков мира. // Вопросы языкознания. № 2-3, 1991.
7. Мосенкіс Ю. Л. Теоретичні аспекти поглибленого діахронічного дослідження основної лексики. Київ, 1997.
8. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (ОСНЯ). Т. 1. М., 1971.
9. Пейрос И. И. Австро-Тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками. // Сб. Древний Восток: этнокультурные связи. — М., 1988.
10. Greenberg J. H. Bloomington, Indiana, 1963.
11. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М., 1991.
12. Старостин С. А. Енисейский сборник. Лингвистика. М., 1995.
13. Козирський В., Маловічко О. Чи існувала колись у Євразії єдина мова ? // Мова та Історія. Вип. 80. — Київ, 2005.
14. Козирський В., Маловічко О. Досвід дослідження моногенезу мов. // Мова та Історія. Вип. 85. — Київ, 2005.
15. Козирський В., Маловічко О. Чи існує алтайська лексика в германських мовах. // Вісник Київського Університету (в печати).
16. Маловичко А. В. Опыт интерпретации памятников этрусской письменности. Зб. Сучасне українське кавказознавство. Київ, 1999.
17. Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2 (22), 2005. Новосибирск.
18. Алексеев В. П. Географические очаги формирования человеческих рас. — М., 1985.
19. Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001.

Статья поступила в редакцию 19.05.2007 г.

Об авторах:

МАЛОВИЧКО Александр Викторович — кандидат физико-математических наук, академик УАННП, зав. лабораторией технического лица при КПИ, председатель семинара «Язык и история».

КОЗЫРСКИЙ В. Г. — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИТФ НАН Украины.

Язык и история культуры

УДК 159.9+314+338.2+81

Казначеев В. П., Трофимов А. В.

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ «АРХЕОЛОГИИ» ИНТЕЛЛЕКТА

*Международный НИИ космической антропоэкологии (МНИИКА)
630117, Россия, г. Новосибирск, ул. Акад. Тимакова, 2*

На базе результатов многолетних исследований живого вещества, сознания и интеллекта авторы рассматривают вопросы формирования и эволюции интеллекта человека, его духовный, познавательной и культурной деятельности.

Ключевые слова: интеллект человека, археология, возникновение культуры, эволюция человека, история, возникновение языка.

Проблемы этой книги крайне дискуссионны, поэтому трудно взять ответственность за полное их освещение в современном пространстве научной мысли. Более всего отвечает замыслу серия отдельных очерков-размышлений, проявившихся в конкретных астрогеофизических потоках на фоне реальных интеллектуально-духовных и социально-экономических событий в мире, в те конкретные дни, когда были написаны основные очерки об интеллектуальной истории человечества. Представить единую системологическую конструкцию очень сложно: каждый пункт дискуссионен, а объединение многих дискуссий было бы крайне искусственным. Итак, перед читателем — отдельные очерки как введение в понятие интеллекта и его «археологии».

В современном гуманитарном мире — литературном, искусствоведческом, духовном, психологическом и психолингвистическом — интеллект расценивается как некая высшая форма восходящей эволюции живого вещества на планете Земля, завершающаяся, по официальным литературным данным, появлением 40-50 тыс. лет назад *Ното заргет*. Такова общая позиция. Можно привести большое количество работ, которые утверждают это и имеют серьезные научные и естественно-природные документальные вещественные доказательства. Однако надо задуматься и над целым рядом противоречий, которые есть в современной научной литературе и позволяют сформулировать новый взгляд на проблему эволюции интеллекта.

Интеллект — это совокупность отражения в нашем сознании современного этапа эволюции живого вещества и самой планеты, причем эволюции, отражающей саму себя (таково наше представление об интеллекте). «Археология» интеллекта позволяет поставить вопрос: какие же наиболее глубинные механизмы и этажи были на заре появления интеллекта как планетного феномена и как он потом деформировался и развивался. По нашему мнению, появление интеллекта на базе тех рефлекторных инстинктивных процессов, которые хорошо известны у млекопитающих и их высших форм — обезьян, недоказательно, предварительно, как и предположение о роли знаковой, информационной формы движений и элементов памяти с инициативным мышлением и возникновением семантических полей, хотя это и хорошо описано в отечественной литературе (работы В. В. Налимова [26], М. М. Бахтина [2], Л. С. Выгодского [12] и др.). Так ли это? Когда мы говорим об археологии, то допускаем, что, как в памятниках культуры, которые изучаются с помощью раскопок, исследований материальных, рукописных и других объектов, имеющих неожиданные результаты, выявляются, например, лунные, космические календари, датируемые 20-30 тыс. лет до н. э. (имеются в виду сибирские археологические исследования школы А. П. Окладникова и его последователей), так и в «археологии» интеллекта, необходимо изучать те первоначальные звенья, которые делали интеллект перспективным инструментом, принципиально новым на Земле механизмом.

Возникает очень важный вопрос: можно ли считать интеллект отражением эволюции в самой себе? Это значит, что главный ход эволюции (не только физический и астрофизический) допустимо считать естественно-природным явлением, подобно таким явлениям, как звездные

миры, космические потоки, сопровождающие появление и исчезновение звездных скоплений, формирование галактик, планетных систем, планеты Земля, а на ней — разнообразных геологических, термодинамических планетарных особенностей, включая электромагнитные и другие поля, вращение, т. е. механику, и т. д. Является ли интеллект как процесс самоотражения эволюции живым веществом на Земле, особым социальным психофизиологическим феноменом, надстройкой к фундаментальной эволюции колоссального, компьютерного, межнейронного механизма мозга высших форм животных или это природное явление может быть обозначено как природный космофизический феномен «суигенерис»?

В. И. Вернадский писал: «Человеческий разум... не является формой энергии, а производит действие, как будто ей отвечающее» [9, 10]. «При умственной работе идет только перераспределение, а не увеличение работы. При мускульной — идет напряжение в смысле создания работы вновь, в умственной — поглощение одной части и интенсификация другой» [11].

В. И. Вернадский был прав, когда ставил вопрос о том, что наряду с 1-м и 2-м биогеохимическими принципами, которые соответствуют принципам и законам Э. Бауэра о живом веществе, нужно выделить еще и 3-й. Если 1-й принцип указывает на формирование роста организованности, т. е. роста негэнтропии в живом веществе (примем этот термин), 2-й указывает на сохранение устойчивой неравновесности, т. е. постоянно эволюционирующей формы с восходящим процессом, то 3-й принцип, который выделяет В. И. Вернадский, — это появление на Земле интеллекта, который сам по себе казалось бы не является материальным, вещным проявлением живого вещества (в частности, человека), но под влиянием разума человек начинает создавать вторую природу, меняет собственную сущность, изменяет лик Земли (впервые об этом говорил Э. Зюсс, потом — Тейяр де Шарден, Э. Леруа и, наконец, В. И. Вернадский).

Ставится вопрос о том, что 3-й принцип может быть научно выделен, но сама загадка природы интеллекта вряд ли может быть сведена только к описанным принципам. Она уникальна в категории естественно-природных космофизических явлений, вобрав в себя интеллект планеты, человеческих взаимодействий: родовых, межродовых, этнических взаимодействий, формирующих объединения и цивилизации.

Возникает другая проблема, состоящая в том, является ли это природное явление — интеллект — космопланетарным или это частный случай, ограниченный в мировом пространстве [29]. Мы полагаем, что интеллект нужно рассматривать как особый естественно-природный геокосмический феномен. Если это так, то, сравнивая его со свойствами живого вещества биосферы, можно утверждать, что он выделяется из всех известных закономерностей живого вещества. Он не может быть напрямую включен в понятие живого вещества, хотя сам человек как биологическое явление, отражающее и биологические, и эволюционные, и генеративные формы поведения, остается необъяснимой составной частью биосферы. В биологическом смысле он не отделим от биосферы и ее метаболизма: это — поток атомов из живого вещества в биосферу, из биосферы в косное вещество и обратно. Мы считаем, что речь идет о потоке не только микроэлементов и атомов, но и об изотопических формах нерадиоактивных атомов.

Направленные превращения атомов в живом

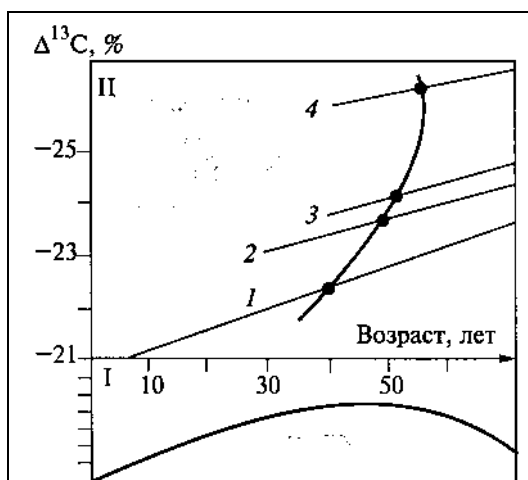

Рис. 7. Взаимодействие филогенетических путей развития интеллекта.

I — биотермодинамика семантического инструментария интеллекта. Индивидуальный путь его земного развития (онтогенез): на примере возрастной динамики константы Рубнера. II — Биотермодинамическая основа полевого инструментария интеллекта. Геокосмический путь его эволюции (филогенез): на примере возрастной динамики содержания изотопа ^{13}C в тканях человека. Содержание изотопа ^{13}C в органах и тканях: 1 — аорта, 2 — жировая ткань, 3 — фиброзная бляшка, 4 — поврежденная бляшка.

веществе, в филогенезе и онтогенезе у человека определяют эволюционно-генетический ход каждого индивида: по мере старения и развития неизвестных нам генетических процессов клетка начинает терять 13-ю фракцию углерода (остается преимущественно 12-я фракция) (рис. 7). Мы приближаемся к пониманию нового, полевого термодинамического клеточного пространства, которое существенно отличается от обычных представлений, на основе окислительных процессов в митохондриях и мембранах. Но даже с подобным усложнением невозможно определить понятие интеллекта как феномена природы: это не только обмен атомами, изотопами и энергетическими полями, но и, по-видимому, более сложный обмен иными формами живого вещества, о которых мы еще будем говорить.

Фото 1. ГУ Научный центр клинической и экспериментальной медицины СО РАМН, на базе которого с 1994 г. работает АНО «Международный НИИ космической антропо-экологии».

Фото 2. Демонстрация компьютерной программы «Гелиос» в павильоне России на Всемирной выставке «ЭКСПО-92» в Испании (Севилья).

Если проанализировать работы МНИИКА и лаборатории гелиоклиматопатологии НЦКЭМ СО РАМН по импринтированию, впервые представленные в 1992 г. в Испании на Всемирной выставке «ЭКСПО-92» (фото 2), и трансперсональным связям [20], то становится ясным, что понятия памяти с психофизиологическими конституциями и мысли в логических конструкциях выделяют человека из ряда обычных измерений пространства и времени. В пространстве и времени, в которых находятся биосферный мир и косное вещество, интеллект и психоэмоциональные функции человека существенно выходят за пределы прежних представлений и относятся к еще неизвестным космофизическим природным явлениям другого масштаба.

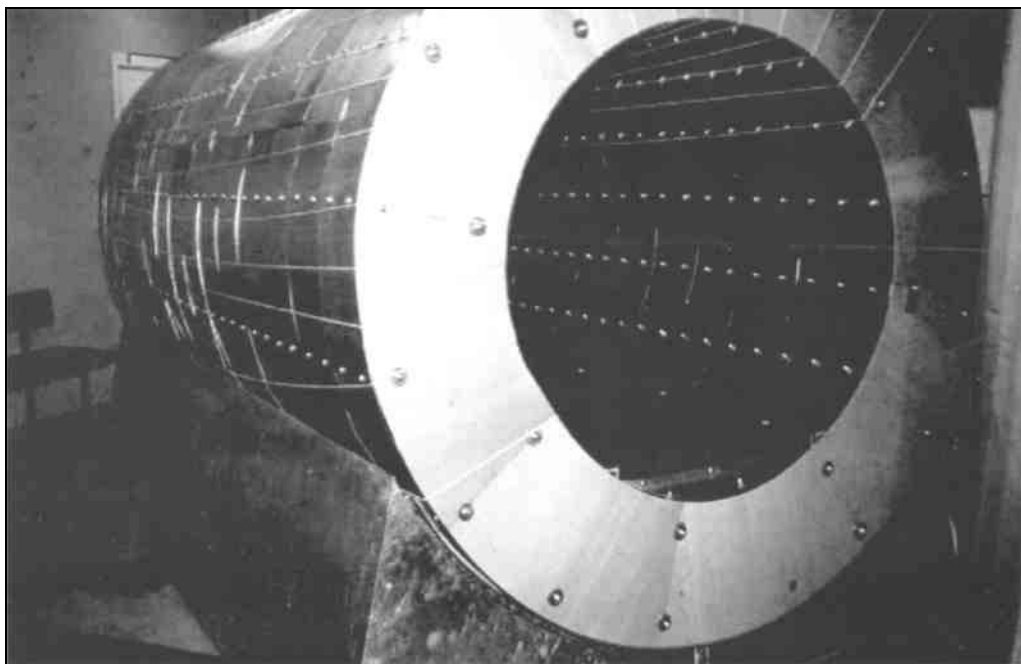

Фото 3. Гипогеомагнитная установка, ослабляющая магнитное поле Земли в 600 раз, основной элемент "космобиотрона".

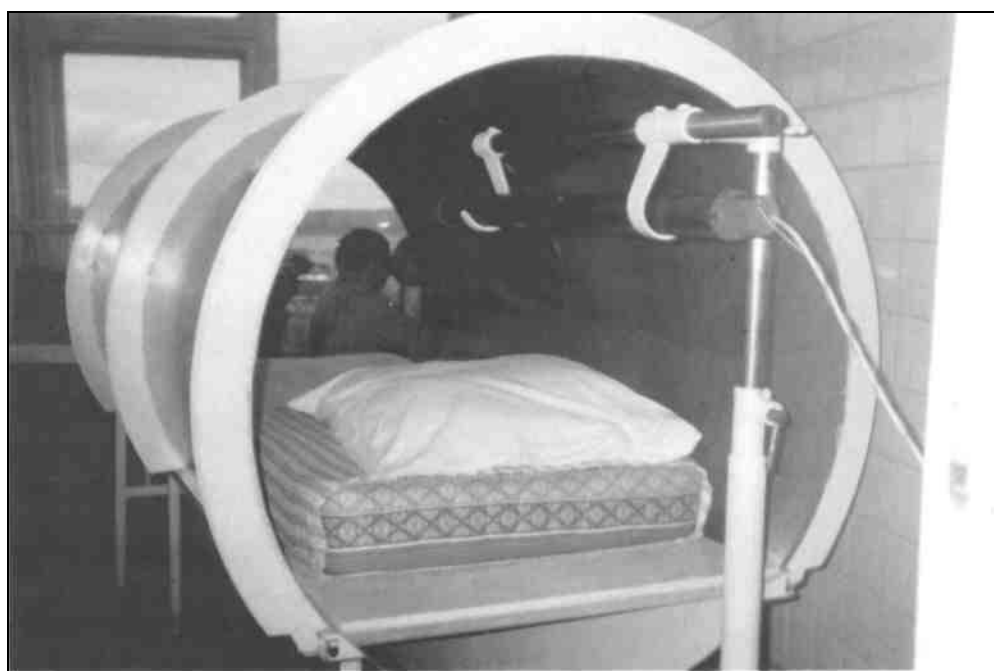

Фото 4. Установка для коррекции биофизических полей человека («зеркала Козырева»).

Важно еще раз подчеркнуть, что интеллект — это самоотражение эволюции космического пространства, один из тех, еще неизвестных феноменов (в научном смысле), который традиционно обозначается в гуманитарных, языковых, психофизиологических конструкциях, привычных понятиях цивилизации, но на самом деле он относится к масштабу понимания этногенеза, «всего» народонаселения планеты и структур космофизического пространства, именно этот масштаб и определяет задачи XXI в.

Постановка вопроса и такой вывод обязывают проводить научные исследования в аспекте предупреждения возможных скоплений противоречий, если же интеллект будет формироваться только в понятиях той цивилизации и тех гуманитарных, социальных механизмах, в которых он уже формируется (в истории это эпоха Просвещения в Европе, России и других странах), то эти противоречия, по нашему мнению, неминуемы. К сожалению, предупреждение этих противоречий сегодня очень слабо обосновано и все более и более погружено в ожесточающийся мир рыночных отношений. Появление новых геополитических полюсов планеты означает нарастание дефицита жизнедеятельности на родонаселения (его численности и удовлетворенности) и, по-видимому, может привести к господству виртуальных представлений и соответствующим формам примитивизации общества с преобладанием различных вариантов диктатур.

Что же является ключевой позицией в изучении природы интеллекта? Можно ли ее связать с уже известным механизмом на основе макромолекулярных, химических, биофизических, физиологических, цитологических и эволюционных свойств «обычного» живого вещества, т. е. с клеткой, с многоклеточными организмами растительного, примитивного бактериального мира и более сложными, на всех стадиях живого вещества, которое сегодня выявлено и описано как отдельная естественно-природная форма. По-видимому, живое вещество клетки, ее генетического аппарата (в пределах доступности инструментарию науки) формулируется в тех системах и в той информационной понятийной™, которая, к сожалению, не отражает истинной природы самого живого вещества.

В наших исследованиях, которые продолжали работы А. Г. Гурвича и его последователей [20], в работах Ф. Поппа [30] и других исследователей методом тканевых культур было показано, что клетки, отделенные друг от друга пространством кварцевых стекол или других материалов, обладают способностью воздействовать друг на друга и передавать такую информацию, которая, по существу, отсутствует в известных генетических механизмах этих клеток [15]. Если клетки травмируются вирусами, химическими продуктами (токсичными для них) или радиационными ударами, а деструкция клеток, включая их смерть, не относится к генетическим программам, если клетки находятся в стрессовом патологическом состоянии и только контактируют в оптическом, полевым пространстве со здоровыми идентичными клетками, то эти здоровые клетки (после как минимум 4-часового контакта), вынесенные в отдельный термостат, постепенно гибнут, а их морфология повторяет гибель тех культур, которые были заражены или находились под воздействием токсинов. В клеточных структурах наблюдается появление картины, идентичной первично пораженной [20].

Подобных экспериментов за последние 35 лет было проведено свыше 20 тыс., они выявили удивительные свойства передачи информации, которые мы называем эффектом «зеркального отражения». Для него характерно то, что клетки могут реагировать на целый ряд космических пертурбаций: во время «парада планет», солнечного затмения, географического перемещения клеточных культур на север, юг, восток и запад. Клетки как бы реагируют на изменения космофизической среды, которые отражаются в новом, неизвестном нам потоке информации, описываемом как «зеркальный», полевой эффект. Клетки окружены космофизическим миром планеты и Космоса, и наряду с обычными окислительными синтетическими процессами, термодинамика которых хорошо известна, в клеточных культурах присутствуют иные, пока малоизвестные полевые потоки, которые предположительно называются «биополем». Это «биополе» не относится к электромагнитным полям, ультрафиолетовым оптическим излучениям или другим частотным областям электромагнитного спектра, оно обладает особыми свойствами.

Проблема, рассмотренная в подобном аспекте, позволяет сделать утверждение, что живое вещество биосферы есть сложное сочетание нескольких форм космофизической жизни. Одна из этих форм хорошо известна — это белково-нуклеиновая форма с ее генетическими механизмами. Следует отметить, что значимость генетических открытий, по-видимому, преувеличивается, поскольку совершенно не изучены другие, полевые формы космофизической жизни. Какая из этих форм в эволюции клетки в момент ее деления (митоза) или возможного появления клетки из межклеточного пространства преобладает в макромолекулярном или полевом конструкте, какая информация может изменять геном и как сам геном может изменять эту полевую информацию (см. [20], разд. 6)? Это — новая проблема в изучении живого вещества. Она может иметь прямое отношение к практике управления не только в сельском хозяйстве и медицине, но и в экологии, потому что средовые таксоны представляют собой сложное сочетание форм живого вещества, а если назвать еще механизмы гормезиса, которые были описаны А. М. Кузиным [23], в наших работах в Белокурихе [17, 21], когда сверхслабые дистанционно переданные сигналы вдруг меняют всхожесть семян или ре-продуктивность клеток, а у человека вызывают множество парадоксальных реакций, то, по-видимому, перед нами предстает очень сложный неизученный космофизический механизм. К сожалению, феномен гормезиса пока недостаточно учитывается, хотя медицина в гомеопатии накопила значительный опыт в лечении, профилактике, связанный с открытиями Ганемана.

Информационные воздействия могут вызывать изменения семантических и интеллектуально-психических состояний человека, что во многом связано не только с прямым химическим или физическим воздействием, но и с другими формами взаимодействий. Эти формы в условиях применения минимальных доз, например, радона могут определять эффект гормезиса, по своей сути это природно-экологический гормезис.

По-видимому, можно выделить и такой вариант гормезисной экологии, как импринтирование [14], которое может продолжаться у человека всю жизнь, реализуясь через механизмы, близкие к гормезису, который, в свою очередь, связан с таким явлением, как апоптоз. Мы уже писали о том, что принцип Реди «клетка от клетки» (OUO ex OUO), утвердившийся в нашей литературе, является лишь частным, видимым проявлением жизни. Принцип Реди не всегда соблюдается. Если апоптоз, характеризующийся тем, что апоптозная клетка, деградируя, формирует «информосомы» и полевые структуры, которые являются носителями иных систем информации в клетке и стимулом к их регенерации и размножению, то остается загадкой их роль в патологических деструктивных процессах: воспалительных, онкологических и др. Таким образом, проблема живого вещества — это проблема сочетания нескольких форм космофизической жизни, которая на планете Земля появилась и продолжает эволюционировать. О появлении живого вещества на Земле писал В. И. Вернадский, который свои идеи сводил к дальнейшей эволюционной фазе автотрофности человечества. Когда человечество будет использовать для своей жизни разнообразные космические энергоинформационные потоки, оно станет другим.

Можно ли интеллект свести к рефлекторным инстинктивным нейрофизи. логическим процессам в сенсорных системах коры головного мозга и подкорковых структурах или, напротив, интеллект принадлежит полевым конструкциям, которые взаимодействуют с макромолекулярными термодинамическими окислительными процессами? И снова вопрос: если в клетках присутствуют полевые информационные формы, важнейшие в природе интеллекта, то существуют ли примеры и реальные природные явления, в которых полевая форма отражает совокупность взаимодействий нейрональных механизмов, а также интеллектов отдельных людей друг с другом? Можно сделать вывод, что ключевым при изучении интеллекта является исследование полевых взаимодействий клеток мозга, но не в отдельности, а всей совокупности нейронов, глиальных элементов и других клеточных структур тела человека.

Предлагается следующая формулировка нашей гипотезы: в основе интеллекта — *появление полевой формы живого космофизического вещества*. Эта форма есть трансформация или, точнее, скачок восходящей эволюции, когда полевые конструкты информации в каждой клетке, в каждом нейроне образуют новый вариант живого вещества. Это живое вещество интеллекта

есть целостное естественно-природное явление. Оно может быть зафиксировано в человеческом теле, в его окружении или существовать вне физического тела. Лишь сама особенность биологической природы человека, его психофизического видения са-могр себя в данное время ставит под сомнение подобную постановку вопроса.

Итак, основная дискуссионная проблема при изучении интеллекта состоит в утверждении того, что интеллект есть новая космофизическая форма живого вещества, зафиксированная в биологических структурах на планете Земля, носителем которой является человек. Возможно, что в прежние эпохи и цивилизации на Земле люди взаимодействовали с космическими формами интеллекта отнюдь не в антропоморфных вариантах, допуская, что в Космосе могут быть не только человекоподобные или близкие к ним конструкции. Не исключено, что в наших исследованиях удастся воспроизвести модель, очень напоминающую гипотезу «соляриса», когда отдельные формы мысли, дистанционно взаимодействуя друг с другом, отражаются при фазовых переходах в косном веществе и фиксируются в кино-фотографических эмульсиях, при проведении трансперсональных связей [18].

Если продолжить, что интеллект — это новая для Земли полевая форма космофизического живого вещества, то в современной научной картине мира мы не можем больше следовать принципам Р. Декарта или Ч. Лайеля с актуалистическим представлением о том, что если внешние космофизические и планетарные условия будут такими же, как миллионы лет назад, то мы зафиксируем тот же самый геологический, биосферный или интеллектуальный феномен. К научной картине мира требуется очень серьезное и осторожное отношение, так как за последние 50 с лишним лет в XXI в. экологическое пространство, в котором находятся и человечество, и биосфера, изменилось. Мы в этом измененном пространстве все еще пользуемся инструментарием известных сенсорных систем, которые в научном, физическом, химическом, астрофизическом, биологическом мире усилены различными приборами. По мнению физиков, которые утверждают, что окружающий мир включает в себя частицы величиной почти на 20 порядков меньше, чем различают приборы, мы, вооружив физическими приборами наш сенсорный механизм, не достигаем даже половины истинного видения окружающего нас косного, живого, интеллектуального, космофизического мира. В научной картине мира выделение живого вещества требует представления о множестве его форм (о чем говорилось выше) и определения его новой формы. Это естественно-природное, космофизическое явление — интеллект человека.

Возникает проблема — является ли интеллект как новая форма живого вещества на планете Земля частным случаем проявления интеллектуальных особенностей космического пространства или эта форма может присутствовать в других вариантах и в других пространствах на окружающих нас планетах, на различного рода космических телах и в звездных мирах? Является ли появление такого живого вещества отражением восходящей эволюции космического живого вещества или это новое, частное проявление, которое так же исчезнет, как исчезают зеленые листья, чтобы появиться в новом варианте, в новом сезоне?

Чтобы лучше представить важность ответов на поставленные вопросы, необходимо обозначить те информационно-эволюционные представления, которые в значительной мере отражаются в антропных принципах. Если пользоваться координатами «пространства и времени Эйнштейна—Минковского», то тогда эволюция, появление порядка из хаоса в космическом косном веществе относительно человеческой мысли и человеческой эволюции должны сохранять определенную дистанцию, поскольку изменения косного вещества, по-видимому, будут иметь размерность тысячи и тысячи лет и у человечества оказывается достаточно времени, чтобы эти изменения ввести в сферу специальных научных исследований. Скорость познания косного вещества возрастает. Если обозначить эволюцию познания косного вещества, которая ускоряется и происходит быстрее, чем естественно-природная эволюция самого косного вещества, то мы приходим к тому, что следуем информационно невозможному прогностическому принципу. При этом прогнозы эволюционных изменений планеты, смещения ее оси, планетарно-солнечных и планетарно-планетарных отношений в солнечной системе могут быть только очень приближительными.

Эволюция живого вещества на планете Земля, включая человека, с появлением глобальных и региональных экологических травм, беспороговой экологии (с ее эндобиосферными вариантами, перегрузкой биосферы и человеческого организма бактериально-вирусными, грибковыми, прионовыми и другими агрессиями) ускоряется. Возможно, что ускорение эволюции приобретает геометрически-прогрессивный характер, а естественный отбор и разнообразные трансформации систем человека в предэмбриогенезе [13] и в раннем перинатальном периоде приводят к формированию его интеллекта в еще более ускоренном темпе [22]. Из поколения в поколение идет накопление не только количественных, но и качественных изменений: возрастает количество аборт, применение контрацептивов, отмечается рост суицидных и других аномальных вариантов поведения человека, начиная с детского возраста.

Изучение этих проблем в психологии, психосоматической медицине, в биологии и эволюционной генетике продвигается медленно и, попадая в рыночные условия, тормозится преимущественно тактических методов, лекарственных препаратов, искусственных сельскохозяйственных продуктов. Если описать скорость эволюции живого вещества (особенно человека) и скорость познания этой эволюции, для того чтобы сравнить обратную связь и предупредить нежелательные контуры изменения природы живого вещества, биосферы и человека, то оказывается, что познание будет медленнее в «пространстве Эйнштейна — Минковского», чем изменение самого живого вещества и интеллекта человека. Если это так, то через определенное время и обратная связь будет все более и более тормозиться. Канонизированное представление о человеке, о его генетике, психологии, о системах его воспитания, духовности может все больше уходить в некое искусственное «чистое» знание, о чем с горечью писал В. И. Вернадский. Практика на самом деле не подчиняется уже этому «чистому» знанию, и многочисленные химические, гормональные, антибиотические воздействия, социальные устройства, семейные конструкции, репродуктивные процессы могут выходить и выходят за рамки обратных связей в восходящем варианте эволюции.

Таким образом, постепенно формируется интеллектуальная «черная дыра». Человечество, выбирая виртуальный мир, может все больше уходить в экологию и медицину катастроф, как бы предупреждая отдельные стадии катастрофических нарушений, но на самом деле каждое новое катастрофическое предупреждение может стимулировать появление совершенно неожиданных каскадов следующих катастроф. Поэтому катастрофизм становится эволюционным свойством биосферы и самой планеты Земля, а проблема предупреждения катастроф (климатических, тектонических, психологических, духовно-религиозных, этнических, военных, геополитических и др.) связывается с конкретными секундными действиями. Спасение от этих катастроф становится сегодня как бы насущной задачей, но предлагаются, к сожалению, только «рыночные» решения, когда накопленные человечеством богатства (материальные, духовные, интеллектуальные) попадают на рынок и сам человек с его интеллектом становится товаром. Известная идея так называемого «золотого миллиарда», к сожалению, отражает диктатуру и зависимость человечества от рыночного устройства. И чем больше на планете будет усиливаться либеральное рыночное устройство, тем сильнее будут нарастать контрасты.

Таким образом, человечество в современной научной картине мира оказывается как бы в собственном плену, но и сталкивается с необходимостью изменений. В противном случае мы попадаем в интеллектуальную «черную дыру» не только в астрофизике, но и в познании самих себя. Угроза усиления контрастов, противоречий и катастрофизма нарастает геометрически. По-видимому, антропные принципы не отражают всего того, что с ними связано, и вряд ли можно согласиться с тем, что появление живого вещества и разума следовало бы «согласовать» в эволюции с появлением условий для функционирования этого разума. Если интеллект есть самоотражение эволюционного процесса, то самоотражение не может быть сведено только к антропным принципам, дабы интеллект как особая форма живого космического вещества не являлся только антропной принадлежностью. Мы существуем в космическом интеллектуальном пространстве как антропобиологические носители, но нельзя брать на себя роль судьбы и осуществлять конкретное управление, навязывая живому космическому пространству то, что называлось антропокосмизмом. Последователь В. И. Вернадского Н. Г. Холодный [28] ввел

этот термин, который сегодня отражает консервативное понимание космического пространства. В современной космонавтике не нужно пользоваться только абсолютом определения «антро-покосмизма» с устремлением поисков в Космосе только себе подобных, сигналов на различных частотах. Мы как «пришельцы» будем искать других «пришельцев» с надеждой установить определенное родство (антропоморфизм). Это сложная проблема и, по-видимому, в ближайшее время будут открыты новые пути ее решения.

Еще одна важная проблема: взаимодействие интеллекта и личности, интеллекта и этногенеза, интеллекта и социальных систем, цивилизации. Необходимо понять, что когда изучается интеллект у человека любого возраста (начиная с ребенка), различного образования, расовой, этнической принадлежности, то являются ли его свойства, которые измеряются приборами, контролируются в вариантах поведения и объясняются, например, по концепции С. Грофа или других современных психологов, на основании личностных психологических типов, собственно интеллектом. Учитывая сказанное выше, то, что интеллект есть новая форма живого вещества, с этим трудно согласиться, поскольку как свойства одной клетки не отражают еще свойств всего сообщества живого вещества в данном биотопе и в данном организме, так и интеллект одного человека не отражает еще всего космического сознания. Поэтому важно вернуться к концепции «археологии» интеллекта и попробовать сформулировать гипотезу, которую можно и нужно проверять, обсуждать, но бездоказательно отрицать сегодня уже нельзя.

Напомним, что на Севере, в Якутии, на территориях севернее Якутска вдоль р. Лены профессором Ю. А. Мочановым и его сотрудниками были открыты каменные орудия, которые идентичны образцам каменных орудий, найденных Л. Лики в Олдувайском каньоне в Африке [25]. Работы Л. Лики были опубликованы раньше. И до сих пор считается, что датировка появления этих каменных артефактов в Олдувайском каньоне относится к 1.5 млн лет до н. э. На основании этого делается вывод, что в пределах 1.8 млн лет протогоминиды эволюционировали и стали проявлять признаки интеллекта. Первоначальная ступень *Homo sapiens* — *Homo erectus* — имел еще примитивный интеллект, но это уже была новая форма живого вещества. Измерения археологических находок Ю. А. Мочанова показывают, что в зоне вечной мерзлоты существовали люди, которые производили такие же каменные орудия, и датировка их относится к 2.2-2.5 млн лет до н. э. Следовательно, *Homo sapiens* в Олдувайском каньоне в Африке, как и *Homo erectus* на юге Азии (есть данные о таких находках в Китае, Монголии) и на Севере («северный человек», по формулировке Мочанова), представляют несколько фокусов, несколько отдельных мест появления интеллекта. Вряд ли эти люди мигрировали по планете в тех особых климатических условиях (оледенение и т. д.), а если интеллект появлялся в нескольких местах и был мало зависим от контактов (мы допускаем только полевые формы дистанционных взаимодействий), то тогда сам феномен появления интеллекта вряд ли относится к человеку. По-видимому, каждый человек отражает, так же как и клетка в многоклеточном организме, лишь деталь, какой-то очень важный элемент того целостного системного «многоклеточного» конструкта, в котором он соучаствует в этногенезе, в данном человеческом сообществе.

Поэтому мы утверждаем, что интеллект появляется не как личное сознание, не как личная память в данной голове протогоминиды, который постепенно превращается в интеллектуального носителя, в результате конструктивного «взрыва» среди миллиардов нейронов, полевые конструкции которых попадали в особую космопланетарную геофизическую среду. В дальнейшем продолжалось взаимодействие живого вещества планеты с космофизическим пространством, при этом полевые формы головного мозга протогоминид объединялись в один гигантский родовой голографический фрактал, механизмы образования которого мы моделируем на «Космобиотроне» (фото 3), в зеркалах Козырева (фото 4) и других экспериментальных установках (см. [20], разд. 8). Появление такого фрактала означало то, что в данном родовом сообществе несколько человек составляли уже взаимосвязанный голографический фрактальный инструментарий. Это и было появлением «интеллектуального пятна» на планете Земля, в котором отдельные элементы (люди) не были «собственниками» приобретенного полевого живого вещества, которое формировалось как объединенное совокупное природно-космическое явление.

Люди, которые присутствовали в пространстве этого большого фрактала («пятна»), были связаны друг с другом той полевой организацией, которую условно можно назвать «телепатической» связью (это очень упрощенное определение; мы предпочитаем термин «дистантно-информационные взаимодействия») (см. [19]). Такие люди в своем отражении окружающей среды были зависимы от дистанционных связей, поэтому их взаимодействие и выживание как биологического вида стали существенно отличными, поскольку в таком коллегиальном отражении было много преимуществ, но были и определенные негативы: каждый зависел от каждого и поведение индивида в пространстве всего этого интеллектуального фрактала могло быть отрицательным. По-видимому, 1.5–2 млн лет назад в интеллектуальных «пятнах» на планете начали формироваться новые варианты реализации интеллекта как самопознания эволюции.

Таким образом, первичным следует считать не формирование личного интеллекта, личной памяти, личного эмоционального поведения, а образование интеллектуальной космофизической общности, которая постепенно начала распадаться, потому что более оперативными оказались постепенно укрепляющиеся знаковые формы общения. Возможно, что торможению голографических или «телепатических» связей, прогнозов, предчувствий — этого особо важного звена интеллектуального «пятна», способствовало его опережающее прогностическое значение для будущих поколений. Так же это происходит и сегодня в торможении работ по трансперсональным связям: они освещаются преимущественно в мифологической литературе, что и является фактором торможения выживания человека в конкретных парапсихологических, планетарно-экологических условиях Земли, тех площадок, на которых оказались теперь уже не протогоминиды, а *Homo Sapiens*.

Можно сделать вывод, что языковые, знаковые, звуковые формы — это система как бы упрощенной перекодировки биосистем на «компьютер», который в аналогоцифровых формах мог бы усовершенствовать информационную систему очень большой значимости [5, 6, 7, 8], но это усовершенствование еще не является формой прогресса — восходящей фазой эволюции живого интеллектуального пространства. Поэтому семантические поля (мы согласны с В. В. Налимовым) и фильтрация смыслов пространства в языковую форму (тексты) в какой-то мере отражали эту систему перекодировки. В эволюции языка, психолингвистики, семантических форм кроется много загадочного, а в перекодировке сокрыты те фрактально-телепатические механизмы, которые постепенно вытеснялись семантическими языковыми формами.

Языковые формы приводили к иному ощущению мира, к иным трактовкам и даже к конфликтам. Понятия смерти, рождения, происхождения формировали определенную примитивно-религиозную языческую форму мышления и представлений о мире в антично-мифических формах (начиная с древнейших форм Веды, индуистских источников, вариантов цивилизации Майя, древних египетских папирусов и т. д.). Все это приводит к существенным смещениям, поскольку материализм, который зародился еще во времена Аристотеля, становится все более противоречивым и нетерпимым к тем догадкам и представлениям о душе, карме, духовности, которые настоятельно выдвигались Платоном, Плотиним и последователями. Далее в философии начался, продолжался и продолжается до сих пор бесконечный противоречивый диалог о первичности материи и духа.

Таким образом, возникновение интеллекта как космофизической формы живого вещества есть феномен взаимодействия родовых групп людей с момента, когда они стали людьми, а не с появления отдельных личностей (мутантов), на чем до сих пор настаивают некоторые генетики. То, что интеллектуальные конструкции наследуются, как и разнообразные типы психического поведения, восприятия и патологии, не отрицает утверждения, что первичными формами интеллекта были именно эти интеллектуальные «пятна», родовые образования, а личностное носительство интеллекта было упрощенным самой природой вариантом интеллекта как родового человеческого начала, связанного с социальной системой.

По-видимому, на этой основе начинали формироваться и определенные принципы демократии, диктатуры, собственности, появилась идея подмены материальных ресурсов жизни их эквивалентом, определенными ценностями (в древности это могли быть раковины, камни,

затем — драгоценные металлы и т. д.). И сегодня движение рынка, который во многом формирует интеллект человечества и его эволюцию, является вторичным и в понятии демократии, т. е. космического и планетарного человекопроизводства и человекопотребления.

Итак, при «археологии» интеллекта мы выделяем основополагающую форму живого космического вещества, в которой еще не было семантических конструкций, но были полевые механизмы — фракталы, появившиеся на определенных геофизических площадках с развитой системой коммуникаций (космоглобографические потоки). Как это было в деталях, мы не знаем — для этого потребуются дальнейшие исследования, но наши работы в районе выше 73-й параллели с использованием модели пространства «энергии-времени» по Козыреву указывают на важность вектора времени, в котором реализуются интеллектуальные связи с опережением или запаздыванием на сутки (по астрономическому времени) по отношению к моменту их инициации (см. [16, 19]).

Несомненно, что физиколизм в научной картине мира сегодня существенно доминирует. По утверждению классических, канонизированных физиков, физика на уровне микрокосмоса позволяет открыть все закономерности живого вещества, которые реализуются в генетических, репродуктивных, психологических, медицинских, биологических феноменах. Физиколизм сегодня начинает подвергаться сомнению [27], как и принцип Р. Декарта о том, что принимается только то, что в эксперименте повторяется, как и принцип актуализма, который в свое время отстаивал Ч. Лайель в спорах с Ч. Дарвиным. Мы меняемся в эпоху катастрофизма, и физиколизм, в прошлом прогрессивный, становится консервативно-ограничивающим фактором. Несомненно, что утверждение так называемой энтропийности и неэнтропийности живого вещества — это проявление физиколизма. Если говорить об информации и о том, в каком пространстве она реализуется, то само понятие системы, которое казалось бы сегодня всем очевидно, в других пространствах становится неопределенным, в «пространстве Эйнштейна — Минковского» оно действительно существует. Расшифровка понятия «пространства Козырева» потребует значительных научных усилий. Если говорить о векторе времени, о «пространстве Козырева» как пространстве «энергии-времени», то в этом пространстве само понятие системы, холизма и информации потребует семантического раскрытия. Когда мы говорим о системах, об информации применительно к «пространству Эйнштейна — Минковского», физики утверждают наличие в мире многих параллельных миров (пространств).

У физиков имеется много противоречивых мнений. Например, как в этих пространствах объяснить гормезис, макрофлюктуации биологических, химических, физических, астрофизических процессов, данные исследователей трансперсональных связей? Физиколизм, который начинает завоевывать через инструментальные методы в биологии, медицине как бы пальму первенства, тоже может оказаться недостаточно истинным. Требуется новый прогрессивный «биологизм» с утверждением самостоятельных форм живого вещества как космофизического явления. Именно в этом понимании перспективен союз физикализма и биологизма с особым научным, экспериментальным, логическим и философским отношением друг к другу. В целом ряде философских работ, которые основаны на телепатических, мифологических, трансперсональных явлениях, это звучит пока как противоречие.

Можно ли объединить, казалось бы, достоверные сведения о микромире косного вещества со знаниями о живом веществе и описать в тех же масштабах «энергии-времени» и пространства свойства живого вещества? Можно ли объяснить прогрессивную эволюцию живого вещества, которую утверждает отечественный космизм, тем, что называют ортобиозом И. И. Мечникова [24] или номогенезом Л. С. Берга [3], или энергетическим правилом скелетных мышц Л. А. Аршавского [1]? Можно ли объяснить прогрессивную эволюцию живого вещества планеты только глубокими и на самом деле достоверными результатами тех физических исследований, в которых живое вещество предварительно разбирается на микроэлементарные элементы косного? Мы уже говорили о роли изотопических форм, о возможных неизвестных термодинамических процессах. Отражают ли эти термодинамические процессы понятия энтропии, неэнтропии и можно ли сегодня сводить весь мир к этим понятиям? По-видимому, существу-

ют другие принципы реализации эволюции так называемого «великого ничто», о котором говорили еще эллины.

Таким образом, физиколизм и актуализм, которые пронизывают сегодня, к сожалению, и сельское хозяйство, и медицину, и экологию, становятся очень опасными. Как только мы сталкиваемся с беспороговой экологией, с эндобиосферным комплексом, когда в живом организме сосуществуют другие живые миры и эти миры отнюдь не синхронны и не всегда «доброжелательны» друг к другу при выживании, то для понимания энтропии, негэнтропии, отдаленных прогнозов и в формировании восходящего номогенеза требуются очень серьезные новые исследования. На основании результатов исследований, которые мы проводим в МНИИКА в «зеркала Козырева» и лазерно-световодных устройствах (см. [20], разд. 8), когда реализуются отнюдь не электромагнитные процессы, а процессы, возможно, связанные с изменением неравномерных потоков космического эфира, мы приходим к заключению, что физиколизм изменяется, не совмещаясь, а сопоставляясь с теми свойствами нового, неизвестного явления, к которому и относится феномен интеллекта человека.

По-видимому, и в вопросах энергетики, о чем физики писали неоднократно, человечество находится на грани выявления неизвестных нам процессов. Возможно, что понятия хаоса и порядка, энтропии и негэнтропии станут только элементом знаний об окружающем нас космофизическом живом мире. В пространстве «энергии-времени» энергетика и информатика могут способствовать, как утверждал Н. А. Козырев, поддержанию континуума, жизнедеятельности звездного мира. Звездный мир, звезды выделяют «энергию-время», формируя единство, где нет, по существу, единиц времени. Все воздействия мгновенно отражаются на других звездах и весь звездный мир поддерживает колоссальное космическое пространство в том или ином астральном варианте, который описывается космологией и астрофизикой. В этих науках также присутствует физиколизм. Если «пространство Козырева» относится к живому космическому явлению, то, по-видимому, мы приближаемся к открытию совершенно новых, неизвестных нам форм естественно-природного свойства, которые могут вооружать нас прогнозами и профилактическими технологиями, предупреждающими всевозможные катастрофы.

Таковы наши представления о физиколизме и его современной идеологии по отношению к биологическим феноменам, формирующим новые гипотезы о формах живого вещества, биосистемах, информации, времени, «энергии-времени» параллельных миров. Мы полагаем, что работы, сделанные в русском космизме (начиная с трудов Н. Ф. Федорова, Н. А. Умнова, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, Э. С. Бауэра, А. Г. Гурвича, П. П. Лазарева и многих других), являются достоянием России, а искажения и депрессия в науке, возникшие в период советско-марксистского давления, появление такого термина, как «лженаука» указывают на приближение к резкому изменению и смещению нашего мировоззрения, что представляет огромную опасность.

Литература:

1. *Аршавский И. А.* Физиологические механизмы и закономерности индивидуального развития: Основы негэнтропийной теории онтогенеза. — М.: Наука, 1982. — 270 с.
2. *Бахтин М. М.* Человек в мире слова. — М.: Изд-во Рос. откр. ун-та, 1995. — 140 с.
3. *Берг Л. С.* Номогенез, или эволюция на основе закономерностей // *Берг Л. С.* Труды по теории эволюции. 1922–1930. — Л.: Наука, 1977. — С. 95–311.
4. *Берг Л. С.* Труды по теории эволюции 1922–1930. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. — 387 с.
5. *Букалов А. В.* Квантомеханический подход к описанию языка и его эволюции // *Физика сознания и жизни, космология и астрофизика.* — 2001. — № 3. — С. 5–19.
6. *Букалов А. В.* О космологической троичной структуре Метагалактики как психоинформационной системе. Точная формула для массы Вселенной // *Физика сознания и жизни, космология и астрофизика.* — 2001. — № 3. — С. 48–50.
7. *Букалов А. В.* О возможности существования полевых форм жизни // *Физика сознания и жизни, космология и астрофизика.* — 2001. — № 4. — С. 5–8.
8. *Букалов А. В.* Изменение состояния сознания и трансперсональная психология // *Физика сознания и жизни, космология и астрофизика.* — 2001. — № 4. — С. 9–19.
9. *Вернадский В. И.* Об условиях появления жизни на Земле // *Биогеохимия.* — М., 1940. — С. 272.
10. *Вернадский В. И.* Биогеохимические очерки. — М., 1940.

11. Вернадский В. И. Живое вещество. — М., 1978. — С. 236.
12. Выгодский Л. С. Собрание соч. Т. 3. Проблемы развития психики. — М.: Педагогика, 1983. — 367 с.
13. Григорьев П. Е., Кодунов Л. А. О возможном влиянии гелиогеофизических факторов на гаметогенез и эмбриогенез человека // Тез. III Междунар. конгр. «Слабые и сверхслабые поля и излучения в биологии и медицине», С.-Петербург, 1–4 июля 2003 г. — СПб., 2003. — С. 102–103.
14. Казначеев В. П. и др. О феномене гелио-геофизического импринтирования и его значении в формировании типов адаптивных стратегий человека // Бюл. СО АМН СССР. — 1985. — Т. 5. — С. 3–7.
15. Казначеев В. П., Михайлова Л. П. Сверхслабые излучения в межклеточных взаимодействиях. — Новосибирск: Наука, 1981. — 143 с.
16. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Дистантно-информационные взаимодействия между людьми как космофизический индикатор эволюции интеллекта на Земле. // Физика сознания и жизни, космология и астрофизика. — 2006. — № 1. — С. 5–19.
17. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Космическая антропоэкология, космопланетарная эволюция и палеопсихологические резервы современного человека // Докл. VI Междунар. конгр. «Некомпьютерные информационные технологии». — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. — Т. 1. — С. 17–21.
18. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Космофизическая интеллектуальная голограмма в моделированном «пространстве Козырева». // Физика сознания и жизни, космология и астрофизика. — 2006. — № 3. — С. 4–12.
19. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Трансперсональные исследования на палеопсихологических горизонтах. // Физика сознания и жизни, космология и астрофизика. — 2006. — № 2. — С. 5–13.
20. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля. — Новосибирск: «Наука», 2004. — 312 с.
21. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Хроногеоэкология: онтогенетические аспекты проблемы // Тез. III Междунар. конгр. «Слабые и сверхслабые поля и излучения в биологии и медицине», С.-Петербург, 1–4 июля 2003. — СПб.: Изд-во «Тускарора», 2003. — С. 116.
22. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Экспериментальные исследования дистантных взаимодействий живого вещества. // Физика сознания и жизни, космология и астрофизика. — 2005. — № 4. — С. 5–14.
23. Кузин А. М. Идеи радиационного гормезиса в атомном веке. — М.: Наука, 1995. — 159 с.
24. Мечников И. И. Этюды оптимизма. — М., 1956.
25. Мочанов Ю. А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. — Новосибирск: Наука, 1992. — 253 с.
26. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. — М.: Прогресс, 1993. — 280 с.
27. Николаев Г. В. Научный вакуум, кризис в фундаментальной физике. Есть ли выход? — Томск: Изд-во НТЛ, 1999. — 133 с.
28. Холодный Н. Г. Избр. труды. — К.: Наук, думка, 1982. — 444 с.
29. Шкловский И. С. Вселенная, жизнь, разум. — М.: Наука, 1987. — 320 с.
30. Popp F. A. Photon storage of biological systems // Electromagnetic bio-information. — Munchen; Wien; Baltimore, 1979. — P. 123–154.

Статья поступила в редакцию 25.10.2005 г.

Об авторах:

КАЗНАЧЕЕВ Влаиль Петрович — академик АМН РФ, Международный научно-исследовательский институт космической антропоэкологии (Новосибирск);

ТРОФИМОВ Александр Васильевич — доктор медицинских наук, профессор, генеральный директор Международного научно-исследовательского института космической антропоэкологии (Новосибирск).

Мосенкис Ю. Л.

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ АРХАИЧЕСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

На многочисленных примерах показаны отражения в языке правосознания различных народов, понятия судьбы, порядка, Всемирного Закона. Показано, как в нарицательных, так и в собственных именах различных языков (особенно в именах древнейших царей и божественных существ) отражаются ранние взгляды на сакрально-правовую деятельность человека, поддерживаемую правителями и жрецами юридическую и этическую норму.

Ключевые слова: языкознание, история, правовые термины, культура, Мировой Закон.

Еще в конце XIX века известнейший исследователь первобытной культуры Э.Тэйлор говорил, что в языке люди будто продолжают пользоваться каменными орудиями труда. О сохранении в языковом материале древнейших представлений из области материальной и духовной культуры писали А.А.Потебня, А.Пикте, А.Кун, О.Шрадер, Н.Я.Март, М.С.Грушевский, С.Н.Крамер, Н.С.Державин, В.В.Иванов, В.Н.Топоров и многие другие исследователи.

В сознании архаического человека (человека традиционной культуры, развивавшейся от древнекаменного века до феодализма) существовали в мифологизированном, а затем религиозизированном виде представления об устройстве и существовании Космоса, земной природы, человеческого общества и жизни отдельного человека. Эти представления оформлялись, в частности, в образе Всемирного Закона, которому подчинялись и изначальная космогония (происхождение мира), и дальнейшее его развитие, рождение и жизнь богов, людей и всей природы. Такие образы находим в мифологиях многих народов (*Доля, Судьба* у славян, *Дике, Ананке, мойры* у греков, *норны* у древних скандинавов, *Маат* у древних египтян, “первосущности” *ме* у шумеров, *рита* у древних индийцев, *дао* у древних китайцев и т.д.). Древнегреческая богиня правосудия Фемида (современный символ справедливого суда) считалась матерью трех богинь, которых звали *Эвномия* (“Благозаконие”), *Дика* (“Справедливость”) и *Ирена* (“Мир”, откуда и современное имя *Ирина*). Три названные богини, согласно древнегреческим мифологическим легендам, не только упорядочивают жизнь человека, но и даже охраняют врата жилища богов – Олимпа. Эвномием (“Благозаконным”) звали отца легендарного спартанского законодателя Ликурга.

Вопрос о происхождении представления о Всемирном Законе довольно сложен, да и в наше время отголоски этого образа сохраняются чуть ли не во всех науках – в виде образа будто бы непреложных физических законов, химических законом, аксиом геометрии и т.п. Следует предположить, что одну из ключевых ролей в формировании таких представлений сыграли астрономические наблюдения первобытного человека, ведшиеся эпизодически, возможно, уже около 300 тыс. лет назад (зарубки, обнаруженные на стоянке Бильцингслебен в Германии), а систематически – более 30 тыс. лет назад (исследования А.Маршака, В.Е.Ларичева и др.) Наблюдая регулярное движение Солнца, Луны и звезд, человек делал вывод о неизменности принципов миропорядка, и эти наблюдения отражались и в архитектуре (древние сооружения с отчасти астрономическими функциями – мегалиты вроде Стоунхенджа, египетские пирамиды, языческие храмы и каменные обсерватории), и в изобразительном искусстве (узоры с регулярным повтором элементов как отражение образа мирового закона – см. исследования Н.А.Чмыхова), и в мифологии (циклы о Гильгамеше и Геракле как отражение зодиакального движения Солнца – см. исследования Р.Грейвса), и в языке.

У древних славян существовал корень *кон*, обозначающий некий предел. Он содержится в словах с противоположным значением – *начало* и *конец*, но такая противоположность значений – лишь современное представление. Для древнего человека здесь было общее – “начальный предел” и “конечный предел”. Тот же корень – в слове *закон*, обозначавшем пределы допусти-

мой деятельности отдельного человека (от вождя племени до рядового общинника), ср. всемирно известный полинезийский термин *табу*.

Огромную роль в правовом регулировании архаической жизни играло слово: многие термины, обозначающие властное или судебное решение, связаны с понятием “говорение”. Например, *указ, приказ, наказ* и даже *казнь* как исполнение высказанного приговора (сравним *сказывать, сказание, сказ, сказка*, украинское *казати* “говорить”; тот же корень обозначает магическое действие, порчу – укр. *казитися* “беситься”, *скажений* “бешеный”), *приговор* (от *говорить*) и его украинское соответствие *вирок* (ср. *ректи, изречь*; с этим корнем связано и обозначение судьбы опять-таки как закона – *рок*, а также еще одно обозначение судьбы и порчи – *урок*, которое в древности означало отнюдь не учебное занятие, а долю, а затем порчу). Латинское *lex* “закон” также родственно обозначению слова и в самом латинском (*lexis*, отсюда *лексика*), и в греческом (*logos*, среди многочисленных значений которого – “слово”). Предполагают, что у древних индоевропейцев (как позднее у кельтов) законы передавались устно как сакральные изречения, а на их запись существовал запрет (даже в том случае, если у индоевропейцев существовала письменность – как предполагают Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов, некая анатолийская протоиероглифика).

Судебные решения у древних славян выносил прежде всего не вождь или старейшина племени, а коллектив, что отразилось и в языке: слово *суд* буквально означает “вместе находящиеся” (**son-dhe-*, где приставка та же, что и современное *со-*, означающее совместность, а корень значит “класть, располагать, устанавливать”, он, кстати, тот же самый, что и в имени знаменитого афинского законодателя *Тесей* – буквально “установитель”). Тесей имел у греков репутацию неподкупного и справедливого судьи в самых трудных спорах.

Научные реконструкции древнеславянской духовной культуры, осуществленные на основе исторических и лингвистических свидетельств, столь надежны, что уже в середине XIX века позволили определить знаменитую поэму “Суд Любушин”, представленную как древнечешскую, в качестве мастерской подделки известных филологов В.Ганки и Й.Линды.

Договор во времена Киевской Руси обозначали словом *ряд*. Отсюда знаменитое фольклорное выражение *суды судить, ряды рядить*, означающее правовую деятельность князя (так, например, во всемирно известном «Слове о полку Игореве» о полоцком князе-оборотне Все-славе говорится, что он *людям судяше, князям города <первоначально ряды> рядяше, а сам в ночь волком рыскаше*). Слово *ряд*, как и *обряд*, по некоторым предположениям, родственно не только латинскому и германскому обозначению порядка (латинск. *ordo*, немецк. *Ordnung*), но и древнеиндийскому названию священного закона *рита*. По определению известнейшего исследователя «Ригведы» Т.Я.Елизаренковой, рита – это и закон круговращения вселенной, и закон общества ариев (подробнее см. [Елизаренкова 1995, с. 456–457; Емельянов 2003, с. 13–17]). Рита – одно из ключевых понятий индийского мифологического мирозерцания, оно определяет преобразование неупорядоченного состояния в упорядоченное и обеспечивает сохранение основных условий существования вселенной, человека, нравственности, это истина в самом широком смысле [Топоров 1991 Рита, с. 469]. Древнеиранское соответствие древнеиндийской риты – *арта* или *аша* «истина», лучший распорядок», обожествленный принцип идеального распорядка в мире, общине и семье, воплощением чего считался верховный жрец зороастрийских общин [Брагинский 1991, с. 78]. Однокоренными являются и английское *right* «правый, правильный, право», и латинское *ars* «искусство». Не случайно понятие порядка связано в древнем представлении с понятием красоты: у древних греков слово *космос* также означало одновременно и порядок (как противопоставление хаосу – отсюда *космонавтика*), и украшение (отсюда *косметика*). То, что упорядочено, считалось красивым, гармоничным. Не случайно Пифагор пытался соединить законы красоты с математическими законами.

К этой же сфере относятся и славянское *обряд*, и латинское *ritus* «обычай, обряд» (отсюда *ритуал*). В древности ритуал представлялся как важнейшее средство упорядочения мира, поддержания его законов с помощью магического возвращения к периоду первотворения, космогонии («вечного возвращения», по выражению М.Элиаде). Яркий пример – восточнославянский купальский обряд, совершаемый в то время, когда солнце после высшей точки (летнего

солнцестояния) начинает снижаться, а сила его убывает. Возжиганием огня и особенно качением горящего колеса участники обряда стараются магически усилить жизненно необходимое светило. Подобное же значение имели ритуалы омоложения царя (в древнем Египте, Месопотамии и на Крите), пришедшие на смену ритуальному убийству старого царя и замене его молодым, лучше способным обеспечить гармонию природы и процветание общества.

Как и в вышеприведенном английском слове *right*, в славянском слове *право* сочетаются понятия «правый» (как противоположный левому) и «правильный» (как противоположный ложному). Первое значение является первичным, прямым, а второе производным, переносным. Дело в том, что у древних индоевропейцев, как и у других народов, правая сторона ассоциировалась с истиной, а левая – с ложью (отсюда мы до сих пор в жаргонном употреблении называем «левым» какой-то не вполне законный заработок или товар и даже некоего не вписывающегося в компанию, «лишнего» человека). Слову *правый* родственны слова *правильный*, *правда*. В случае допущения ошибки ее надлежит *исправить*. В древности взыскание недоимок при помощи физического воздействия носило название *правеж*, а жестокое сведение счетов до сих пор называется *расправа*. Тот же корень в словах *управлять*, *правительство* и *справедливость*. Само же слово *право* и в современном языке означает не только юридическую область знаний и деятельности, но и (более древнее значение) наличие у кого-либо оснований на что-нибудь (*право на отпуск*, *право на имущество*).

Представления о важности властной и законодательной деятельности древних правителей, воспринимаемых как сакральные личности, отразились в их именах и титуловании. Так, имя афинского царя-законодателя *Тесей*, как отмечалось выше, означает “установитель (законов, порядков)”. Примерно то же значение имеет имя второго римского царя – мага и законодателя *Нума* (происходящее от древнегреческого слова *nomos* “закон”, заимствованного в латинский язык через этрусский, в котором звук [o] передавался через [u]). Кроме легендарного царя-законодателя, у римлян существовал также бог-законодатель, которого считали одним из первых царей Лациума, – Сатурн. Его имя происходит от иранского слова *хшафра* “власть” (звуковое изменение такое же, как и в слове *сатрап*, заимствованном из иранского в греческий). Сатурн научил своих подданных цивилизованной жизни, в эпоху его правления было всеобщее равенство (возвращавшееся на несколько дней во время праздника сатурналий). Иранскую параллель имени Сатурна можно рассматривать в связи с иранской же параллелью мотива о воспитании основателя Рима и первого римского царя Ромула волчицей (ср. подобный сюжет о персидском царе Кире).

Имя основателя Киева *Кий* означало скорее всего жезл как символ сакрального правителя (славянское *кий* родственно балтийскому обозначению молота *kujus*, а молот – индоевропейский символ небесного громовержца, разновидностью которого может быть образ Кия). Сохраненное готским историком Йорданом (Йорнандом) имя славянского (антского) князя IV века *Бооз*, о котором много спорят, представляет собой, очевидно, искажение восточнославянского слова *вожь*, более известного ныне в южнославянской форме *вождь*. Наконец, имя последнего языческого князя Руси *Владимир* более похоже на титул (“владыка мира”), чем на имя, на что прямо указывают тогдашние арабские источники.

Образ царя-законодателя (первоначально вождя) был свойственен еще праиндоевропейцам – ведь индоевропейское название царя, представленное латинским *rex* и его параллелями в германских, кельтских и других языках, связывают с корнем, имеющимся в славянском слове *резать*, поскольку функцией сакрального царя было размежевание пространства (что позже делали этрусские и затем римские жрецы и гадалки) и установление священных границ.

Установление законов и порядка – одна из важнейших функций божеств и полубожественных существ – “культурных героев”. Так, например, верховный грузинский языческий бог Гмерти (повелитель неба, господин богов и создатель людей, распорядитель мира) имеет эпитет Мориге – “создатель порядка” от слова *риги* “порядок”. В представлении древних критян (носителей открытой А.Эвансом минойской культуры) создателем и земных, и потусторонних законов являлся царь Минос (ставший после смерти главным судьей загробного мира), а в древнем Египте устройтелем порядка считался первый фараон Менес (по мнению некоторых

исследователей, созвучие имен Миноса и Менеса не случайно и отражает общность древнейших египетско-критских мифологических представлений).

У славян-язычников богиней порядка и согласия была Лада (свидетельство поклонения ей находим в надписи с территории Украины, датируемой первыми веками новой эры). Ее имя означает просто “женщина” и родственно имени греческой (по происхождению догреческой) богини Лато – матери Аполлона и Артемиды, происходящей, согласно древнегреческим мифам, из края гиперборейцев, то есть из Северного Причерноморья. От имени Лады происходит древнеславянское слово *лад*, означающее порядок, согласие.

В древней правосознании, в частности индоевропейцев, очень важное место занимал договор. Одним из наиболее известных божеств договора является известный из “Авесты” древнеиранский Митра, имя которого означает “договор”, “согласие”. Он одновременно выступает как бог солнца, поскольку солнце неизменно осуществляет свой дневной и годичный путь и символизирует незыблемость законов мира. “Митра гарантирует устойчивость и согласие между людьми, охраняет страну от раздора и несчастья, если в ней чтут договор, и разрушает страны, и наказывает врагов, если они не чтут договор, нарушают его, служат лжи” [Топоров 1991 Митра, с. 368–369]. Связь образа Митры с установлением границ «позволяет, очевидно, восстановить для него более древнюю функцию царя-жреца, принимающего участие в ритуальных измерениях, которые подтверждают следование универсальному закону, правде. ...Митра – божество, определяющее некую морально-нравственную границу» [Топоров 1991 Митра, с. 369]. В древнеиндийской (ведийской) мифологии Митра – божество движения светил (то есть космического закона), договора и дружбы. От имени Митры (в его более поздней форме) заимствовано славянское слово *мир* (в значении «не война»). Некоторые функции Митры напоминают древнеримского бога границ, межевых знаков по имени *Термин*. Учреждение культа этого бога приписывали царю-законодателю Нуме.

Таким образом, как в нарицательных, так и в собственных именах различных языков (особенно в именах древнейших царей и божественных существ) отражаются ранние взгляды на сакрально-правовую деятельность человека, поддерживаемую правителями и жрецами юридическую и этическую норму.

Л и т е р а т у р а :

1. Брагинский И. С. Аша Вахишта. Мифологический словарь. – М., 1991.
2. Елизаренкова Т. Я. Предисловие. Ригведа. Мандалы V–VIII. – М., 1995.
3. Емельянов В. В. Ритуал в Древней Месопотамии. – СПб., 2003.
4. Топоров В. Н. Митра. Мифологический словарь. – М., 1991.
5. Топоров В. Н. Рита. Мифологический словарь. – М., 1991.

Статья поступила в редакцию 07.06.2007 г.

Об авторе:

МОСЕНКИС Юрий Леонидович — см. с. 9.

Исследования

УДК 82.3

Конча С. В.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Рассматриваются вопросы выделения основного ядра индоевропейской мифологии. Основным мифом, по мнению автора, является битва богов и демонов с последующим сотворением существующего мироздания, людей и установления законов.

Ключевые слова: индоевропейская мифология, боги, демоны, творения мира, битва богов.

1. Что такое «индоевропейская мифология»?

Принято считать, что древняя общность индоевропейских народов проявляется не только в элементах их языковых систем, но и во многих особенностях идеологических норм и мировоззренческих представлений, обнаруживаемых, прежде всего, в мифологических традициях. Во многих работах по мифологии и истории культуры содержатся отсылки к «мифологии индоевропейцев», к «индоевропейскому пантеону», как к чему-то вполне определённом, чётко очерченному и явственно выделяющемуся на фоне иных традиций. Однако, если мы с целью выяснения того, что же представляет собой «мифология индоевропейцев» обратимся к обзорным работам по индоевропейской истории и культуре [например, 2], к мифологическим справочникам, а также к изданным у нас исследованиям по мифологии [в частности 12, 4], нас ожидает, скорее всего, разочарование. Определение «индоевропейский» прилагается в них чаще всего ко взятым непосредственно из письменных источников мифологемам и образам богов, едва ли уходящих глубже II–I тыс. до н. э., тогда как является общепризнанным, что как таковая «индоевропейская древность», даже понимаемая в самом широком смысле, может быть определена самое позднее IV–III тыс. до н. э. Таким образом, соотносимость той или иной мифологемы или образа с уровнем «индоевропейской» хронологической глубины неизбежно предполагает необходимый элемент реконструкции, который в большинстве соответствующих работ либо отсутствует, либо сводится к соображениям самого общего порядка.

Правда, благодаря лингвистическим изысканиям, устанавливается общность и лексическое тождество некоторых обожествляемых разными и.-е. народами явлений: индоарийский *Дьаус-питар* этимологически тождествен римско-латинскому *Юпитеру*, иллирийскому *Дейпатуру*, греческому *Зевсу (-патуру)* германскому *Тиу*, хеттскому *Тивазу* — все эти имена восходят к и.-е. **deius*¹ «светлое небо» + **pater*- «отец» и указывают на то, что божество неба, будучи в уже в значительной мере антропоморфизированным, почиталось в общеиндоевропейский период в качестве одного из верховных богов. К подобного рода соображениям приводят тождества: *Ушас* = *Эос* = *Аврора* — «богиня утренней зари», *Парджанья* = *Фьоргун* = *Перкон* — «божество дуба» (в некоторых традициях приобрел черты громовержца) и т. п. Установление этих соответствий, безусловно, бросает некоторый свет на *собственно* индоевропейские мифологические представления, однако всё же мало что даёт для понимания *особенностей* индоевропейской системы воззрений, учитывая, что немного найдётся народов и племён, не обожествлявших в той или иной степени небо, утреннюю зарю и могучие деревья.

Среди не слишком многочисленных (в доступной у нас литературе) попыток воссоздать элементы индоевропейской мифологической сюжетики наибольшей известностью в научной среде пользуются работы Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, в которых за основу реконструкции приняты балтийские мифологемы о Перконе и соответствующие им следы славянских представлений о Перуне [5, 12]. Устанавливая очень архаичным (по мнению авторов) балтославянским представлениям аналогии в мифологических традициях хеттов и индо-иранцев

¹ Параллельно от этого же корня во многих языках образовалось нарицательное имя бога.

(наиболее рано зафиксированных на письме), авторы приходят к выводу о существовании в общеиндоевропейский период довольно развитой исходной формы мифа, производные от которой чётко прослеживаются в большинстве сохранившихся письменных или устных мифологических традиций и.-е. народов.

В общих чертах содержание реконструируемого названными исследователями мифа таково [5, с. 136–140; 11]. Некое хтоническое божество (демон), имеющее вид змея, похищает с неба солнце, луну, звёзды и прячет их где-то в недрах земли (внутри скалы или горы), это же существо препятствует течению небесных вод. В некоторых, очевидно тоже очень древних, версиях мифа злой демон-змея похищает также жену (невесту) бога грома и молнии, чем, конечно же, вызывает особенный гнев последнего. Разгневанный громовержец отправляется на поиски своего змееподобного противника; он разъезжает по небу в грохочущей колеснице и мечет с неба молнии-стрелы. Демон пытается спрятаться, проникая (или перевоплощаясь) последовательно в дерево, гору, животное, человека, но громовержец его всюду находит и поражает своими стрелами. Наконец змею удаётся всё же улизнуть от грозного бога небес, спрятавшись в глубинах вод². Сразу же после этого запертым накануне водам возвращается способность свободно течь — воды прорываются и разливаются вокруг. Громовержец отыскивает спрятанные змеем светила (осмысливаемые также как небесный скот) и возвращает их на место. Найдя (или отвоевав у слуг змея) свою похищенную супругу, громовержец смирят свой гнев. Общее благополучие и миропорядок восстанавливаются, всё вокруг ликует и славит грозного бога грома и молнии.

Считая этот сюжет свойственным всем без исключения и.-е. народам и лежащим в основе многих других сюжетов о змееборстве, Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров называют указанный сюжет «основным индоевропейским мифом».

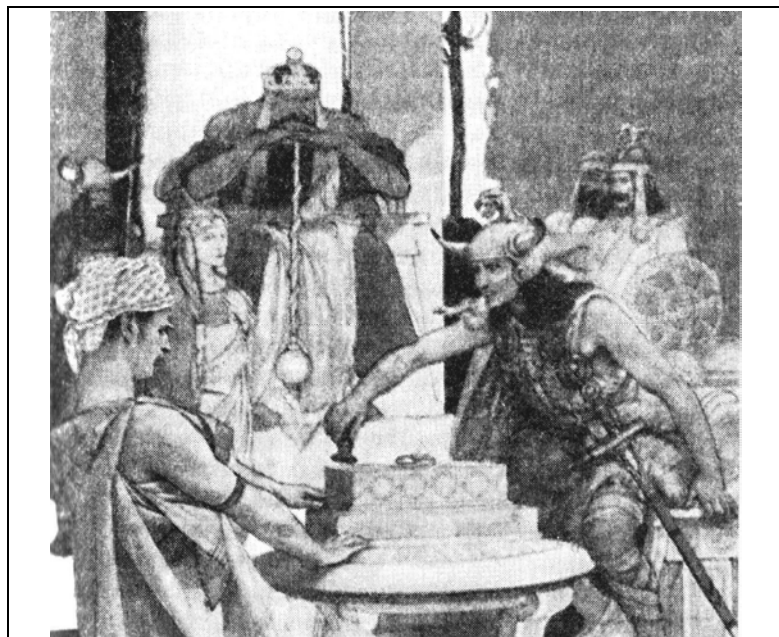

Рис. 1. Луг (в рогом шлеме) на собрании богов в Таре; на троне сидит бог Нуаду (с рисунка Э.Уоллказинса).

Вариации и отголоски «основного мифа» авторы находят всюду (в мифах, сказках, песнях, легендах, обрядах), где речь идёт о борьбе противников, из которых один может каким-то образом подозреваться в божественном (небесном) происхождении, а второй какими либо чертами напоминает змея или жителя подземных (подводных) глубин. Соответственно, основная схема мифа обростает у Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, а также у их последователей всё большим количеством подробностей и деталей, так что, по выражению Л. С. Клейна, «изучение мифов незаметно переросло в мифотворчество» [8, с. 61].

Нетрудно видеть, что реконструированный на основе множества сопоставлений (но при этом встречающийся в сказках многих народов почти в дословном воспроизведении) «основной миф» является мифопоэтическим осмыслением грозы. Устойчивость и повсеместная распространённость являющихся нам в составе «основного мифа» образов и ситуаций, поэтому, не удивительна. Сами же В. В. Иванов и В. Н. Топоров указывают на огромное число *неиндоевропейских* параллелей «основному мифу», нередко весьма выразительных, обнаруживаемых на

² Или же из тела поверженного Змея рождаются змеи, жабы, мыши, черви и др. существа, привязываемые к подземному и подводному мирам.

огромном пространстве от Центральной Африки до Дальнего Востока [5, с. 142–156]³. Миф удивительно похожий на реконструируемый «основной индоевропейский» содержится уже в шумерских табличках III тыс. до н. э., среди древнейших текстов когда либо зафиксированных на письме [9, с. 178–186]. В этой связи вслед за недоумённым вопросом некоторых авторов «почему основной?» следовало бы также задать вопрос «почему индоевропейский?».

Рис. 2. Изображение на кельтской монете (Франция, I в. до н. э.).

Названные обстоятельства не позволили большинству исследователей отнестись с доверием к построениям В. В. Иванова — В. Н. Топорова, несмотря на «освящённость» их концепции «основного мифа» в авторитетном двухтомнике «Мифы народов мира».

Точно так же, как и мотив битвы громовержца с подземным похитителем солнца, далеко за пределы индоевропейской области выходят многие другие мифологические элементы и образы, относимые в некоторых изданиях к «индоевропейским»: мировое дерево, брак неба-отца и матери-земли, антитеза небесных и земных (или подземных) божеств, летающий (крылатый) змей-дракон, путешествия в подземный мир за волшебными предметами, молодильные яблоки, живая вода (напиток бессмертия) и т. д.

Представленность всех этих элементов среди мифологического наследия многих и.-е. народов не обязательно может указывать на их хронологическую соотнесённость с «общеиндоевропейским уровнем», т. е. со временем, для которого предполагается существование ещё слаборасчленённого индоевропейского языкового и культурного единства. Но даже если бы соотносимость каких то из них с «индоевропейской древностью» была бы доказана, широкий круг неиндоевропейских аналогий заставил бы, скорее, говорить об «общевразийской», «ностратической», или же «общечеловеческой» (ср. мнение о едином языке [13]) природе этих элементов, но, во всяком случае, не о специфически индоевропейском их характере.

Естественным образом возникает вопрос: могут ли быть «индоевропейские мифы» (связные повествования о богах или героях божественного происхождения) выявлены (реконструированы) в принципе?

2. Некоторые методологические замечания

Если заимствование отдельно взятых образов — как мировое дерево или летающий дракон — могло быть осуществлено, по-видимому, довольно легко, то заимствование целых больших сюжетов, наполненных многими общими подробностями, аналогичными по своим функциям и характеристикам персонажами, предполагает какие то особые отношения между носителями таких сюжетов.

Конечно нет никакой необходимости говорить о заимствовании (общем прототипе) мотивов, изображающих, например, борьбу за охотничьи или пастушьи угодья, кровную месть, борьбу за власть, поиск невесты героем, вступающим по ходу действия в стычки с врагом и т. п. [15]. Точно также нет оснований усматривать общий источник для распространённых повсюду представлений о божествах солнца, земли, луны, грозы, ветра и прочих, взаимоотношения между которыми в мифах воспроизводят отношения повсеместно свойственные племенным или раннегосударственным обществам [18].

Однако имеется немало примеров, когда мифологические и эпические сюжеты основанные, казалось бы, на самых распространённых универсалиях, оказываются усложнёнными поразительно похожими деталями, появление которых трудно назвать типологически закономерным. Возможно, в каких то случаях природа этих сходств может быть объяснена общими чертами быта, стереотипами поведения и мировоззренческими нормами, о которых известно

³ Ссылки авторов на то, что в этих сказаниях содержатся, якобы, существенные элементы, отличающие их от «основного и.-е. мифа» едва ли могут быть приняты, поскольку реконструируемый «основной миф» представляет собой лишь *общую схему*, реальные же и.-е. тексты не менее отличаются между собой.

пока что очень мало. Однако неправильным было бы исключать вероятность распространения таких сюжетов через посредство контактов и взаимовлияний, а где-то, может быть, и восхождения их к общему «протомифу» — структурированной системе представлений народов и племён, близкородственных и (или) соседствующих в далёком прошлом, но волею исторических судеб разбросанных по отдалённейшим странам.

Исходя из вышеизложенных соображений, попробуем очертить основные методологические критерии, благодаря которым мифологический сюжет, приблизительно соответствующий уровню «индоевропейской древности» в принципе мог бы быть обнаружен. Таковой сюжет должен:

- 1) быть зафиксирован в отдельных и.-е. традициях, *непересекающихся в историческое время*,
- 2) не иметь далеко уходящих во времени и пространстве параллелей вне индоевропейской семьи,
- 3) не быть явным отображением какого-то наблюдаемого повсеместно природного явления или катаклизма, как-то гроза, смена времён года, наводнение, затмение и т. д.
- 4) не сводиться исключительно к воспроизведению какого-либо повсеместно распространённого ритуала или обычая: инициации, сватовства, смене «священного царя», обряда погребения (как правило, предполагающего в мифологических схемах последующее воскрешение).

Впрочем, следует оговориться, что в случае соответствия достаточно большого числа деталей и подробностей, не принадлежащих непосредственно к изображению, например, грозы, наводнения или состязания за невесту, мифический сюжет удовлетворяющий требованиям 1 и 2 также имеет шансы быть определённым как восходящий к общему источнику (т. е., в нашем случае, как индоевропейский). В случае же обнаружения сюжета, соответствующего критерию 1, также и за пределами индоевропейской области нужно попытаться установить не было ли какое-то из ответвлений и.-е. традиции его источником.

3. Первобитва индоевропейской мифологии

Вероятно, нижеследующая гипотеза может оказаться повторением отчасти где-то, кем-то уже высказываемых идей⁴. Во всяком случае достаточно важным является уже то, что в отечественных — советских и постсоветских — изданиях, включая переводы зарубежных исследований, нет даже упоминаний о сопоставлениях, аналогичных предлагаемым ниже⁵. Тем не менее, как это ни странно, мифический сюжет, удовлетворяющий, по крайней мере, большинству сформулированных критериев, без особого труда обнаруживается в большинстве зафиксированных на письме мифологических и.-е. традиций: в ирландской («Битва при Маг Туиред») [14, с. 33–48; 7, с. 53–121], скандинавской (обе «Эдды») [12, 18], древнегреческой («Теогония», начальные разделы «Мифологической библиотеки» и др.) [3, с. 21–51; 1, с. 5–11], индоарийской («Ригведа» и некоторые фрагменты «Махабхараты») [16, 10, с. 437–460].

Ниже на конкретных фактах будут прослежены соответствия определённых мест из указанных источников и выводимость, содержащихся в них мифологем от общего прототипа. Но для того, чтобы незнакомый с вышеназванными текстами читатель мог яснее представить себе, о чём именно будет идти речь, предлагаю ознакомиться вначале с изложением результата реконструкции — предполагаемой схемой того «первомифа», или сюжета-прототипа, который, по всей вероятности, лежит в основе соответствующих фрагментов указанных письменных традиций.

Итак, возможная реконструкция одного из древнейших индоевропейских мифов сводится к следующей схеме.

⁴ Литература по сопоставительным исследованиям мифологических сюжетов велика и не всегда у нас доступна.

⁵ В некоторых новейших изданиях подобные упоминания всё же имеются, но речь идёт, скорее, об общих параллелях типологического характера [7, с. 53].

На одной из ранних стадий миротворения, задолго до возникновения людей и устройства обитаемого ими мира, возникает конфликт между племенем богов и племенем в чём то им подобных демонических созданий (великанов, полубогов, титанов), возглавляемых неким могущественным существом, возникшим одним из первых в мире и, по некоторым версиям, являющимся предком и самих богов. Борьба идёт с переменным успехом, но всё же демонам удаётся значительно потеснить богов, отобрать у них часть владений, похитить некие магические предметы, имеющие важное значение для существования и благополучия богов.

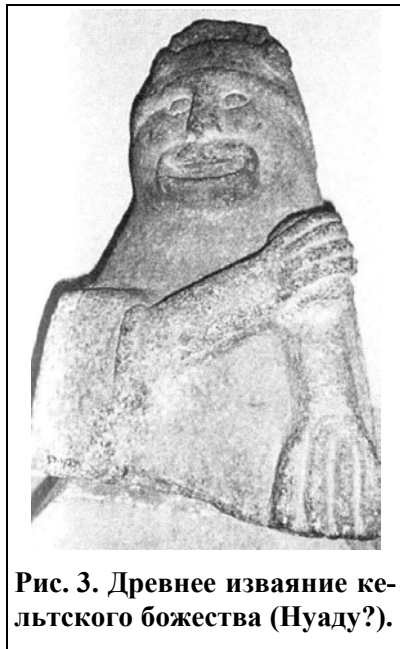

Рис. 3. Древнее изваяние кельтского божества (Нуаду?).

Среди враждебных богам демонов и великанов нет единства относительно дальнейших отношений с богами, некоторые стремятся к полному истреблению племени богов, некоторые (в том числе и Первосущество) склоняются к мирному сосуществованию, требуя от богов лишь признания превосходства демонов. Богов не устраивает ни первое ни второе: собравшись на совет они решают навсегда освободиться от притеснений извне или погибнуть.

В это время среди богов появляется молодой представитель их племени, дотоле неизвестный, выросший в некотором тайном месте. Выясняется, что он сын (внук) одного из главных богов (бога неба?) и представительницы племени демонов, происходящей по прямой линии от Первосущества. Молодой бог поражает собрание богов своими способностями, ростом, красотой и силой; кроме того, по заверениям проводцев, именно этому богу суждено быть погубителем враждебной силы. Вопреки возражениям отдельных представителей племени, совет вверяет сыну бога неба руководство ополчением богов в их решающей схватке с демонами. Будущему вождю вручается чудесное, изготовленное лучшими мастерами,

оружие — в частности громовой молот, испускающий молнии.

Узнав о стремлении богов к независимому существованию, Первосущество приходит в ярость. Оно собирает вместе всех великанов и демонов и порождает новых ужасных чудовищ, специально предназначенных для уничтожения богов.

Армия богов и армия демонов и чудовищ сходятся в ожесточённой битве. Удача склоняется на сторону богов, но в это время на поле боя появляется особо ужасное и огромное чудовище, занимающее собой значительную часть вселенной, обладающее смертоносным взглядом или же пышущее огнём — по некоторым версиям, это и есть трансформировавшееся Первосущество. При виде чудовища, боги трепещут и обращаются в бегство. В это время на поле битвы появляется сын бога неба — он мчится в быстроходной колеснице, сопровождаемый ветрами, и бесстрашно устремляется навстречу врагу. В тот самый момент, когда чудовище готово поразить молодого бога смертоносным взглядом или же проглотить его, герой мечет чудовищу в голову свой громовой молот (громовой камень, молнию) и насмерть поражает его. Уязвлённое чудовище испускает целые потоки воды (= крови), в которой погибают многие демоны, оставшиеся же бросаются бежать. Боги во главе со своим полководцем преследуют их и уничтожают большую часть демонов и чудовищ, лишь некоторым удаётся спастись в отдалённых закутках вселенной. Проникнув во владения демонов, боги находят там отобранные у них священные (магические) предметы и угоняют обратно похищенный некогда демонами скот.

Вернувшись к поверженному туловищу Демона-Первосущества, состоявшийся Герой, рассекает тело на части и создаёт из отдельных частей земную твердь, горы и небосвод, из вылившейся крови Первосущества образуется Океан, окружающий земную поверхность.

Племя богов овладевает властью над всем мирозданием. Своим верховным правителем боги теперь уже единодушно утверждают молодого сына (внука) бога неба и возводят под его руководством свои царственные чертоги, возвышающиеся над небосводом. При непосредственном участии своего предводителя, боги создают людей, воспользовавшись для этого кро-

вью Первосущества или его помощников. Этим завершается процесс мироустройства и утверждается привычный порядок вещей.

Каждая из основных версий данного мифа — ирландская, скандинавская, греческая, индийская (арийская) — включает по несколько вариантов, различия между которыми могут быть весьма существенными, но в целом общность основной сюжетной фабулы, тождественность основных персонажей прослеживаются достаточно определённо. Сюжетная сложность и многокомпонентность мифа исключает вероятность его независимого возникновения в столь удалённых областях, в связи с чем можно считать выполненным условие соответствия мифа обозначенным выше критериям 3 и 4.

Рис. 4. Древний кельтский шлем, найденный в Темзе.

Теоретически можно предположить распространение, зафиксированной уже в VII в. до н. э. Гесиодом (и в определённой мере канонизированной им), греческой версии мифа на древнегерманский и древнекельтский ареалы где-то в первой половине I тыс. до н. э., но взаимовлияние греческой и индийской традиций около рубежа II и I тыс. до н. э., по-видимому, исключается. Следовательно, можно считать, что указанный мифологический сюжет удовлетворяет также и критерию 1.

Сложнее обстоит дело с критерием 2, то есть проблемой параллелей во внеиндоевропейских традициях. Практически *буквальное* соответствие вышеприведенному сюжету представляет собой знаменитая вавилонская поэма «Энума элиш» («Когда вверху»), воспевающая Мардука,

внука бога неба Ану, одерживающего победу над *первосуществом* Тиамат и создающего из её тела небосвод и землю [14, с. 28–33; 20, с. 99–109]. Древнейшие списки поэмы, написанные на позднеаккадском языке, были обнаружены археологами при раскопках в Месопотамии. Найденные образцы не являются очень древними — их относят к концу II–началу I тыс. до н. э. (таким образом, они почти синхронны «Теогонии» и «Ригведе»), однако считается весьма вероятным, что возникновение поэмы следует относить к периоду раннего возвышения Вавилона — XIX или XVIII вв. до н. э., — так как с этого времени, Мардук, который являлся первоначально покровителем Вавилона, начинает утверждаться в качестве общемесопотамского божества [14, с. 33–34].

Некоторые черты сходства с вышеприведенным сюжетом имеют также некоторые финикийские сказания о богах, хотя они зафиксированы довольно поздно и явно испытали влияние греческой традиции. Наконец, отдалённую параллель индоевропейским сказаниям о войне богов с великанами можно усмотреть также в древнекитайском сказании о борьбе божественного императора Хуанди с демоном Чию.

Таким образом, хотя практически все сохранившиеся письменные индоевропейские мифологические традиции, содержащие сказания о богах, содержат вышеуказанный сюжет, мы не можем считать его ни исконно индоевропейским, ни также заимствованным индоевропейцами в эпоху, близкую эпохе предполагаемого единства. В то же время, кажущаяся, на первый взгляд, естественной (ввиду представлений о шумеро-вавилонских истоках многих явлений культуры), вероятность происхождения индоевропейских разновидностей сказания от месопотамского мифа о Мардуке, также наталкивается на ряд препятствий, о которых будет сказано ниже.

Как бы то ни было, пока что нет оснований считать данный мифологический сюжет по происхождению ни индоевропейским (а также эллинским или индоарийским), ни месопотамским. Поскольку определить с удобным и не вызывающим сомнений названием также затруднительно, будем именовать его далее просто Миф.

Где же мог сложиться Миф и каковы были пути его проникновения в столь взаимоудалённые страны как Ирландия, Греция, Индия?

Возможно ответить на эти вопросы нам поможет более близкое ознакомление с отображением Мифа в каждой из упомянутых традиций, учёт их специфических особенностей и степени взаимного сходства.

4. Отображение Мифа в ирландской традиции

Важнейшей особенностью ирландской версии является включение Мифа в псевдоисторическое изложение истории завоеваний Ирландии различными племенами, из которых одни представляют богов, другие демонов, третьи людей. Вероятно, отголоски каких то воспоминаний о реальных межплеменных усобицах на острове наложились на древнюю мифологическую основу. Первыми поселенцами Ирландии названы «племена» Партолона и Немед, которые гибнут в борьбе с фоморами — демонами моря, стремящимися утвердить свою власть на острове [7, с. 71–74]. Поскольку племена Партолона и Немед представляют как бы «генетическую линию» богов, они могут быть сопоставлены с «первобогами» вавилонской (Лажму и Анушар) и скандинавской (Бури и Бор) версий, а также, возможно, с Дьяус-питаром и Вишну ригведийской версии — т. е. с богами, относимыми к первым поколениям племени богов, но не принимающими деятельного участия в последующем описании борьбы богов с демонами и обустройства мира.

Рис. 5. Каменная голова (Британия, I в. до н. э.)

Появившееся затем на земле Ирландии племя Богини Дану побеждает связанное с фоморами племя Фир Болг, но вскоре оказывается в зависимости от фоморов и вынуждено платить дань демонам моря. Боги (а представители племени были именно бессмертными богами⁶) поднимаются на борьбу за своё освобождение, но ряд стычек приводит лишь к незначительным успехам и боги готовятся к решающей битве. В это время в Таре — главном поселении богов — появляется странник, называющий себя Лугом, сыном бога Киану и внуком Диан Кехта, брата правителя богов Нуаду. Матерью Луга была Этне, дочь правителя фоморов Балора. Последнему было дано пророчество, что сын его дочери лишит его самого власти и жизни, поэтому Балор заточил свою дочь в башне⁷, но Киану смог тайно проникнуть в темницу Этне и соединиться с ней.

Луг обладает всевозможными дарованиями, красотой и силой. Боги подвергают его ряду испытаний, из которых Луг выходит с честью. Зная о пророчестве данном Балору, боги выбирают Луга своим предводителем в войне с фоморами. Лугу оказывают торжественные почести и усаживают на сидение верховного бога, занимаемое обычно Нуаду. Через некоторое время Лугу вручается чудесное оружие, изготавливаемое в течении семи лет лучшими мастерами из племени богини Дану.

Тем временем огромное войско фоморов высаживается на побережья Ирландии. Готовясь к битве, ирландские боги грозятся окутать фоморов всевозможными чародействами, отнять у них мужество, лишить питья, насладиться на них потоки огня, свалить на их головы камни и горы. Мастера из племени Богини обещают без усталости чинить оружие и изготавливать новое, врачеватели — главным из них является дед Луга Диан Кехт — излечивать раны и оживлять павших в бою.

Завязывается битва, успех в которой склоняется вначале на сторону племени Богини. Однако по мере того, как фоморы разгадывают приёмы и секреты чародейств богов, силы выравниваются — численность армии фоморов несметна и они непреклонны в бою. Демоны начинают теснить богов. На поле битвы появляется сам предводитель фоморов Балор, он убивает в поединке Нуаду и некоторых других героев из племени богов.

⁶ Собственно говоря, большинство основных персонажей из «племени Богини Дану» повторяют имена божеств общекельтской традиции.

⁷ Наиболее ранние письменные фиксации данного мифа восходят, по мнению исследователей, к V–VI вв. нашей эры.

Во главе войска богов встаёт Луг. Боги пытались до поры не допускать его к битве, но ему удаётся ускользнуть из под охраны и он появляется впереди войска *вместе со своим возницей* (последнее указывает на то, что Луг мчался в битву на колеснице, хотя непосредственного упоминания об этом нет) и устремляется на предводителя фоморов.

Балор обладал губительным глазом, который, будучи открыт, мог испепелить тысячное войско. Этот глаз был постоянно прикрыт огромным веком, поднять которое могли лишь четверо воинов при помощи специального шеста.

И сошёл Луг с Балором в схватке. «Поднимите мне веко, о воины, — сказал Балор — дабы поглядел я на болтуна, что ко мне обратился». Когда же подняли веко Балора, метнул Луг камень из своей пращи и вышиб глаз через голову наружу, так что воинство самого Балора узрело его (глаз). Пал этот глаз на фоморов и трижды девять из них легли рядом. [15, с. 45]

Камень, поразивший Балора, был частью того чудесного оружия, которое изготавливали мастера-чародеи, используя при этом многие волшебные субстанции. Бросок Луга решает исход битвы. Фоморы обращаются в бегство и массово истребляются племенем Богини.

Преследующие фоморов боги, врываются в главный чертог («пиршественный покой») демонов (по некоторым данным он находится на дне моря). Здесь они обнаруживают украденную фоморами чудесную арфу, вселяющую веселье, дрему или грусть, чудесный котёл, способный накормить сколько угодно едоков, а также чудесную тёлку, похищенную у бога Дагды, вслед за которой в Ирландию возвращается вся угнанная фоморами скотина. Боги оставили жизнь некоторым из фоморов, но последние больше никогда не смели затевать вражду с племенем Богини Дану.

Описание подготовки войны богов с демонами, кульминацией которой является избрание полководцем («защитником») богов одного из младших членов племени удивительно похожи, как увидим далее, на соответствующие места из «Энума элиш» а также «Повести об ангирасах» (3-я книга «Махабхараты»). Весьма близки изображения и самой битвы, особенно решающего поединка между молодым богом и его противником, во всех версиях молниеносно поражаемым броском в голову.

В ирландской (и шире — общекеельтской) традиции бог Луг считался верховным божеством, он уподоблялся солнцу и, по мнению некоторых исследователей, был именно солнечным богом. Само имя «Луг» по наиболее вероятной этимологии означает «сияющий» [6, с. 104] (ср. лат. lux). «Солнцесияющим», «солнечным тельцом» именуется в вавилонских источниках Мардук. «Подобным солнцу», «солнцеликим» назван в «Махабхарате» бог Сканда, свершающий подвиг, идентичный подвигу Луга.

Дед Луга Диан Кехт является одним из главных богов ирландского пантеона, в его имени, возможно отобразился корень *deiu(s) «светлое небо»⁸, по своему положению в мифе он сопоставим с шумеро-вавилонским богом неба Ану, дедом Мардука и, в какой то мере, с греческим Ураном — богом неба и дедом Зевса.

Существенным отклонением ирландского сказания от предложенной выше реконструкции «первомифа» является отсутствие мотивов «миротворения». Ирландия с самого начала представляет собой уже как бы готовый образ того окружённого океаном «серединного» мира, который в других версиях (скандинавской, вавилонской, греческой) ещё предстоит создать и обустроить.

Примечательно, однако, что сказание о борьбе с фоморами заканчивается упоминанием об обращении богинь Морриган и Бадб, к «*волшебным холмам, устьям рек и могучим водам*», которым они возвещают о великой победе богов. При этом неясно как следует понимать приписываемое Бадб четверостишие:

Мир до неба,
Небо до тверди,
Земля под небом
Сила в каждом. [15, с. 48]

⁸ Обычно имя Диан- объясняют как «быстрый», но ср. Divona - имя галльской богини, фиксируемое в надписях как DIONA и возводимое к *deiuo- «небо» (и «бог») [6, с. 71, 74].

Эти строфы несколько диссонируют с контекстом сказания о битве при Маг Туиред, но зато удивительно перекликаются с описанием создания Мардуком неба и земли (между которыми предстоит обитать людям) из тела Тиамат в поэме «Энума элиш» [20, с. 107]:

Одну половину сделал небесным сводом,
Поставил засов и назначил стражников...
Он прошёл по небу и осмотрел его области...
Великую обитель он установил в Эсхарре,
Великая обитель, Эсхарра, которую он сделал твердью.

Что касается того обстоятельства, что обитаемый (впоследствии) людьми мир создаётся из тела поверженного солнечным богом демона, то в этом плане интересны записанные уже в XIX в. ирландские предания, как бы уточняющие обстоятельства победы богов и гибели предводителя фоморов. В них говорится, в частности, о том, что поражённый Лугом Балор был в дальнейшем повешен вниз головой на дереве и висел там, *источая яд*, до тех пор пока не *распался на две части* [7, с. 469]. В других версиях Луг воодружает отрубленную голову Балора на камень, из головы вытекает влага, которая разрушает камень и образует целое озеро [15, с. 252]. Просматривается явная аналогия с поверженной Тиамат, источающей кровь (влагу), которая смешивается с водами её ранее убитого супруга Апсу (Океана), тело Тиамат разделяется именно на *две части*, ставшие небесной и земной твердями. Согласно Эдде, кровь, источаемая поверженным Первосуществом (Имиром), становится океаном, тело — земной твердью, а череп — небосводом [12, с. 24–25].

Рис. 6. Изображение богини на кельтском бронзовом котле (Дания, II–I в. до н.э.).

О том, что в предводителе фоморов Балоре есть основания видеть некую ипостась Первосущества, говорит отождествление его некоторыми исследователями с Биле (Бели) — ирландским богом смерти и преисподней, который считался также прародителем смертных (людей) [15, с. 122].

Таким образом, приведенные параллели говорят нам о том, что в прототипе известной нам ирландской (кельтской) версии Мифа мотив о сотворении мира (точнее — обители людей) из тела поверженного солнцеликим богом демона (Первосущества) также присутствовал, но по мере прогрессирующей «историзации» изображаемых в кельтской мифологической традиции событий, утрачивал свою актуальность, переосмысливаясь и сохраняясь в рудиментарных отрывках.

В целом ирландскую версию следует признать сохранившейся на удивление полно (ведь речь идёт о средневековом источнике). В ней устойчиво отобразились исходные мифологемы, образы основных персонажей, общий характер и отдельные подробности взаимоотношений между ними. В последнем легко убедиться, сопоставляя тексты «Битвы при Маг Туиред», «Энума элиш» и «Повести об ангирасах».

(продолжение следует)

Л и т е р а т у р а :

1. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Перевод и комментарии В. Г. Боруховича. — М., 1993 (1959).
2. *Гамкрелиде Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Т.1-2.- Тбилиси, 1984.
3. *Гесиод*. Полное собрание текстов. Подготовка текстов В.Н.Ярхо, О.П. Цыбенко. — М, 2001.
4. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. — М., 1986.
5. *Иванов В. В. Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. — М, 1974.
6. *Калыгин В. П.* Этимологический словарь кельтских теонимов. — М., 2006.
7. Кельтская мифология. Энциклопедия. Перевод с англ. М., 2006.
8. *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. — СПб., 2004.
9. *Крамер С.* История начинается в Шумере. — М., 1991.
10. Махабхарата. — Книга 3. Перевод и комментарии Я.В.Василькова и Л. С. Невелевой. — М., 1983.

11. Мифы народов мира. Энциклопедия. — Т.1-2. — М., 1980 (и др. издания).
12. Младшая Эдда. Перевод О. А. Смирницкой, комментарии М. И. Стеблин-Каменского. — Л., 1970.
13. Мосенkis Ю. Л. Общемировой праязык: история вопроса и постановка проблемы // Происхождение языка и культуры: древняя история человечества. — № 1. — 2007. — С. 5 — 13.
14. Немировский А. И. Мифы древности: Ближний Восток. — М., 2001.
15. Предания и мифы средневековой Ирландии. Перевод и комментарии С. В. Шкунаева. — М., 1991.
16. Протт В. Морфология волшебной сказки. —
17. Ригведа. Мандалы I — IV. Перевод и комментарии Т. Я. Елизаренковой. — М., 1990.
18. Старшая Эдда.
19. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. — М., 1984 (и др. издания).
20. Элиаде М. Священные тексты народов мира. — М., 1998.

Статья поступила в редакцию 18.05.2007 г.

Об авторе:

КОНЧА Сергей Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко.

Древние сооружения

УДК 50(675), 130.1, 159.9, 167.0, 63.3, 63.415

Букалов А. В.

СФИНКС И ДРУГИЕ ЗАГАДКИ ЕГИПЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Обсуждаются вопросы датировки Сфинкса на плато Гиза в Египте. Анализируются геологические и археологические данные, указывающие на то, что Сфинкс был построен не позднее XI тыс. до н. э. Обсуждаются загадки древних технологий обработки гранита и диорита, транспортировки и подъема 200-тонных каменных блоков.

Ключевые слова: Древний Египет, археология, датировка Сфинкса, обработка камня, древняя цивилизация Египта.

Знаменитый Сфинкс на плато Гиза наряду с тремя пирамидами — Хеопса, Хефрена и Микерина — по праву считается одним из самых загадочных сооружений Египта. Кто построил его? Сколько ему лет? Вокруг этих вопросов все время ведутся дебаты. Традиционная, ортодоксальная точка зрения египетской археологии заключается в том, что Сфинкс был построен во времена IV династии Древнего Египта фараоном Хефреном (XXVI в. до н. э.), и лицо Сфинкса — это лицо Хефрена. Согласно этой точке зрения, Сфинкс — современник пирамид, возведенных в эту же эпоху [1, 2].

Что же представляет собой Сфинкс? Это фигура с телом льва и головой человека, которая вырублена из известняка, образующего основание плато Гиза. При этом он находится в траншее, лишь частично возвышаясь над уровнем плато. По-видимому, ранее на месте Сфинкса существовала известняковая возвышенность или скала, которую строители и превратили в фигуру. При этом им пришлось вырубить достаточно глубокую траншею, на дне которой покоятся лапы и туловище Сфинкса. Фигура Сфинкса имеет 72 метра в длину, 11,5 м в плечах, 20 м в высоту (фото 1). На протяжении всей истории траншеею Сфинкса часто заносило песком, и большую часть времени он провел в полузасыпанном состоянии. Это способствовало сохранению его фигуры, в отличие от лица, которое было серьезно повреждено во времена египетского похода Наполеона Бонапарта.

Фото 1. Фигура Сфинкса.

камня. У борозд на теле Сфинкса и на краях траншеи совершенно иной характер. Профиль поверхности — это сочетание глубоких вертикальных борозд и волнистых горизонтальных каналов. Это, по заключению Шоха, могло быть следствием только длительного воздействия на скульптуру атмосферных осадков в течение тысяч лет, и ничем иным. Американские геологи поддержали вывод Шоха. Проблема, однако, заключается в том, что на протяжении всей истории Древнего Египта, начиная с IV–III тысячелетия до н. э., таких обильных дождей просто не было. За последние 15 тысяч лет существовали только два периода интенсивных дождей в этой местности: с VII по V тысячелетие до н. э. и с XII по IX тысячелетие до н. э. [3, 4].

Естественно, египетские археологи приняли в штыки эти выводы — это ломало все их умозаключения по Сфинксу и, отчасти, по датировке больших пирамид. Тем не менее, выводы Р. Шоха никто не опроверг. Более того, исследование храма Сфинкса и храма Долины, изготовленных из известняка, взятого из траншеи, окружающей Сфинкса, показало, что на блоках известняка имеются аналогичные следы водной эрозии. Более того, храм Долины в настоящее время внутри частично покрыт массивной гранитной облицовкой, вероятно времен IV династии. Однако при внимательном исследовании соединения гранитных плит и известняковых блоков обнаруживается потрясающий факт: с внутренней стороны гранит подогнан к бороздам и щелям, которые уже существовали на известняковых блоках храма (!). В 1999 г. я с коллегами был в Египте и лично детально исследовал как борозды на краях траншеи (фото 2), так и борозды и щели на известняковых блоках храма Долины, соединенные с выступами гранитных плит (фото 3, 5).

Это означает, что храм Долины был настолько священным, что для египтян IV династии считалось непозволительным стесывать известняковые блоки и устранять борозды. Не стали их и заделывать — это, видимо, было бы бессмысленно. Напротив, их бережно упаковали в гранитную облицовку, повторяющую форму известняка и все его неровности. С этой точки зре-

До недавнего времени не было особых оснований сомневаться в традиционной датировке Сфинкса, хотя всегда существовали приверженцы мнения о его глубокой древности. Ситуация изменилась в 90-х годах XX века, когда профессор Бостонского университета, геолог Роберт Шоха обратил внимание на глубокие вертикальные борозды в известняке тела Сфинкса и на краях траншеи. Такую эрозию не могли вызвать песчаные бури, — ветропесчаная эрозия дает щелевидные каналы с острыми кромками, которые возникают в результате усиленного износа более мягких слоев

Фото 2. Древние борозды на краях траншеи.

ния, совершенно очевидно, что **Сфинкс, его храм и храм Долины** — это продукты иной, более древней цивилизации, правители которой почитались египтянами как Боги — Тот, Озирис, Изида и т. д. Они и явились предтечами древнеегипетской цивилизации. Против этой точки зрения активно выступают египетские археологи. Помимо нарушения установившихся датировок и взглядов, им кажется весьма оскорбительной мысль, что в глубокой древности существовала другая культура, которой многим обязаны и древние, и современные египтяне. Это неприятие зашло столь далеко, что, вероятно, у кого-то из руководителей египетской археологии возникла мысль «исправить» памятники: вначале отреставрировали Сфинкса, убрав ряд борозд и трещин, а в момент своего посещения храма Долины автор с коллегами наблюдал (имеется видеозапись), как египетские рабочие «реставрировали» заднюю внешнюю часть храма Долины — они стесывали борозды на стенах, свидетельствующие о водной эрозии (фото 4). То есть они делали то, на что не осмелились древние египтяне в XXVI веке до н. э. — пытались «исправить» историю. Впрочем, это делалось неоднократно в истории человечества, особенно в XX веке, когда авторитарные и тоталитарные режимы пытались поступить так же. Досадно, однако, что таким образом пытаются утвердить, а не пересмотреть установившиеся догмы. Впрочем, совсем недавно стала ясна причина таких действий. Египтяне — мусульмане, а по Корану мир был создан около шести тысяч лет назад. И обсуждать возможность более древней истории мусульманин просто не может! Это своего рода табу. Тем не менее, стены траншеи никто не трогал, невозможно исправить и места соединения борозд известняка и выпуклостей гранитных плит в храме Долины.

Фото 3. Подгонка гранитной облицовки под выветренные неровности древней кладки.

пошла вглубь, а не по ранее размеченной в граните линии. В результате этого саркофаг был брошен как бракованный. Детальный осмотр следов резки показал, что **инструмент был похож на циркулярную пилу, а на стенках в щели разреза оставлены характерные радиальные полосы от зубцов круглой пилы.** Она просто пошла вкось, и почти готовый саркофаг броси-

Необходимо отметить, что это далеко не первый артефакт, свидетельствующий о несостоятельности официальной версии истории Древнего Египта. Многих археологов поражали и поражают гранитные саркофаги, изготавливаемые из цельной глыбы. Считается, что гранит выбивался диоритом — еще более твердым минералом. Однако в случае выемки гранита при изготовлении саркофага это сделать невозможно. Установлено, что для получения полости гранитного саркофага применялись сверхтвердые полые сверла, которые проходили гранит с высокой скоростью. Образовавшийся керн выламывался ударами. Разумеется, ни о каких сверлильных станках египетская археология ничего не знает. Тем не менее, в темном углу первого зала археологического музея в Каире находится неоконченный гранитный саркофаг. О нем уже сообщалось рядом авторов, и я с коллегами, обследовав его, произвел фото- и видеосъемку. Саркофаг примечателен тем, что внутренняя полость у него уже выбрана, однако это было сделано до обработки наружной части днища (она была неровной, выпуклой формы. При изготовлении ее пытались ровно обрезать каким-то инструментом (!), чтобы получить плоскую поверхность, параллельную полу, чтобы саркофаг мог ровно стоять. Однако при отрезании была допущена ошибка, щель

ли. Разумеется, по данным египетской археологии никаких циркулярных сверхтвердых пил не существовало: египтяне использовали только камень и мягкую медь.

Фото 4. Строительные леса «корректоров истории».

К сожалению, никто не пытался провести элементный анализ материала режущего инструмента, который должен был остаться на поверхности разрезанного гранита. Это прояснило бы многое. Многозначительным является и то обстоятельство, что гранит из полости саркофага был выбран ранее, чем обрезано днище. Это говорит о том, что операция была хорошо технологически отработана, она была обычной и рутинной, и в успехе ее настолько не сомневались, что спокойно делали гораздо более трудоемкую операцию — извлечение гранита из глыбы. Однако сверление происходило под значительным давлением. Это озна-

чает, что заготовка саркофага с неровной поверхностью, примыкавшей к полу, должна была находиться не на плоской поверхности, а в яме из глины или цемента, или на чем-то таком, что сглаживало бы выступы и неровности дна. Одновременно эти неровности были бы и нужны для того, чтобы глыба не скользила в удерживающем ее растворе.

Кроме этого, существуют тысячи диоритовых сосудов, стенки которых обработаны идеально, а некоторые имеют толщину пергамента. **Как обработали этот сверхтвердый материал с ювелирной точностью — никто не может сказать, даже гипотетически, ни один из экспертов** существует только гипотеза о применении ультразвука (!) для сверления таких материалов [5].

Кстати, храм Долины состоит из сотен 200-тонных блоков, многие из которых подняты на высоту 12 м. Технология подъема таких масс неизвестна. Во всем мире существует всего два крана такой грузоподъемности. Как же это делали «примитивные» предки египтян?

Но вернемся к Сфинксу. Из геологических данных следует, что он был сооружен ранее 6–9 тыс. лет до н. э. или 10–11 тыс. лет до н. э. На второй дате настаивают Г. Хэнкок и Р. Бьюэл, указывая на астрономическую ориентацию Сфинкса в направлении созвездия Льва в 10500 г. до н. э. Впоследствии, со сменой эпох, голова сфинкса была исправлена, и в конце концов приобрела черты человека. Однако, как показало специальное исследование, проведенное американским судебным экспертом, лицо Сфинкса не имеет ничего общего с сохранившимися изображениями Хефрена.

На плато Гиза сохранились естественные выходы известняка. Наше обследование показало, что борозды на них аналогичны бороздам траншеи и храма Долины. Если это действительно так, то Сфинксу более 7 тысяч лет.

Вполне возможно также, что Сфинкс и храм Долины были воздвигнуты в интервале 7–9 тысяч лет до н. э., предположительно в 7500 г. до н. э., после чего под воздействием дождей 7–5 тыс. до н. э. произошла эрозия. В этом случае понятно сохранение памяти об эпохе Льва (или это был символ прошедшей эпохи). С другой стороны, после земледельческой революции XIII–XII тыс. до н. э. наступила эпоха наводнений и связанных с ними катастроф. Земледельческое население сменяется примитивными неолитическими племенами. И много позже опять начинается развиваться земледелие.

Недавно А. Ю. Скляров, обследовав в составе экспедиции пирамиды Египта заметил, что все они без исключения имеют древние массивное мегалитическое «ядро»: погребальная камера выполнена в мегалитической технике даже в тех пирамидах, которые практически разрушены, так как внешние слои делались из некачественных материалов, а строительство таких пирамид велось по более примитивным технологиям. В связи с этим А. Ю. Скляров высказал

гипотезу, что эти мегалитические постройки существовали ранее большинства известных пирамид. И лишь за тем, намного позднее, в эпоху Древнего и Среднего Царств эти мегалитические постройки были превращены в преимущественно недолговечные пирамиды [6]. В любом случае, возведение Сфинкса и всего комплекса плато Гиза — это результат воплощения глобального плана, связанного с религиозно-астрономическими представлениями древних египтян и их предшественников. Эти загадочные предшественники могут быть прародителями ряда ранних мегалитических культур. Так, астрономическая датировка Тиуанако (озеро Титикака, Южная Америка) дает даты XI тыс. до н. э., в хорошем согласии с датировкой египетского Сфинкса, храма Долины, начала планировки застройки плато Гиза. Возможно, эта цивилизация связана с цивилизацией атлантов, легенда о которых дошла до Платона от египетских жрецов, наловившись, впрочем, как это часто бывает, на более позднее событие — извержение вулкана на Санторине и гибель критско-минойской цивилизации. Так, последние исследования показывают, что остров Фера, на котором взорвался вулкан, обладает формой, совпадающей с описанием Платона. Но выяснение происхождения этой исчезнувшей цивилизации и получение более подробной информации о ней — дело будущих исследований.

Фото 5. Подгонка гранитной облицовки под выветренные неровности древней кладки.

Л и т е р а т у р а :

1. *Lehner M.* The complete Pyramids. — London, 1997.
2. *Фахри А.* Древние загадки фараонов. — М.: Центрполиграф, 2006.
3. *Хэнгкок Г.* Следы богов. — М.: Вече, 1997.
4. *Хэнгкок Г., Бьювелл Р.* Загадка Сфинкса. — М.: Вече, 2000.
5. *Коллинз Э.* Боги Эдема. Секреты древних технологий. — М.: Эксмо, 2005.
6. *Склярков А. Ю.* Цивилизация древних богов Египта. — М.: Вече, 2005.

Статья поступила в редакцию 01.10.2006 г.

Об авторе:

БУКАЛОВ Александр Валентинович — доктор философии в области психологии, доктор философии в области соционики, почетный доктор Института украинско-кавказских исследований УАНПП, директор Международного института соционики, главный редактор журналов «Происхождение языка и культуры: древняя история человечества», «Соционика, ментология и психология личности» и «Психология и соционика межличностных отношений». Автор более 200 научных работ в области культурологии, лингвистики, социальной психологии, соционики, психологии личности и менеджмента.

E-mail: boukalov@gmail.com

Сайт: www.socionics.ibc.com.ua

Дискуссии

УДК 94 (477) (075.8)

Бердышев Г. Д.

ДОСЛАВЯНСКИЙ И РАНЕСЛАВЯНСКИЙ ПЕРИОД ЭТНОГЕНЕЗА НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

В статье рассмотрен ранний этап этногенеза населения Украины до и после выделения славян из индоевропейского сообщества народов. Приведена классификация периодов этногенеза славян. Обсуждена проблема далеких предков украинцев отмечено смешение индоевропейцев с различными ранними племенами и народами из Европы и Азии.

Ключевые слова: этногенез, индоевропейцы, скифы, трипольцы, славяне, украинцы, генофонд, сарматы, готы.

Украинцы являются восточными славянами. Их этногенез связан со становлением славянского суперэтнуса. Поскольку славянский суперэтнос относится к белой расе индоевропейцев, хотя бы кратко проследим формирование индоевропейцев.

Этногенез любого народа во многом определяется изменениями климата. Рассмотрим, в каких климатических условиях происходил генезис дальних предков украинцев на территории Восточной Европы. Украинцы относятся к европеоидной расе. Две другие главные расы — монголоиды и негроиды (желтая и черная расы). Эти три великие расы сформировались в разных континентах и в разные времена: первой (приблизительно 35 тыс. лет до н. э.) возникла черная раса в Африке, затем желтая в Азии, и самая поздняя — белая раса в Европе. Так что в позднем палеолите — ледниковом периоде большие расы уже были сформированы.

Климатом Земли, оледенениями, движением материков, изменением очертания морей и океанов во многом управляет изменение оси вращения Земли, ее географических и геомагнитных полюсов, смещение литосферы.

Первый ледник (600–500 тыс. лет тому назад) не дошел до территории Украины, так как лед остановил свое движение на юге современной Эстонии.

Второй ледниковый период (470–430 тыс. лет тому назад) достиг региона современного Луцка. Затем началось потепление, которое длилось приблизительно 200 тыс. лет, и климат на украинских территориях напоминал субтропики.

Третий ледник (230–180 тыс. лет тому назад) простерся до линии: Львов, Ковель, Житомир, Миргород, Сумы, но не затронул Закарпатье. Местами лед достигал 2 километров толщины, что вынудило жителей отходить на Балканы и Кавказ и в другие регионы. После этого снова наступило потепление (180–110 тыс. лет тому назад).

Четвертый ледниковый период (110–12 тыс. лет тому назад) лишь коснулся северных границ Украины.

13,5 тыс. лет тому назад в истории Земли произошла величайшая катастрофа, унесшая половину тогдашнего человечества, начисто изменившая облик планеты. Сдвинулись земные полюса, растаял огромный ледяной панцирь на десятках миллионах квадратных километрах суши. Уровень Мирового океана поднялся в зонах жарких стран, примыкавших к экватору, на 120 м. Ушли под воду многие материки, образовались новые горы, цветущие долины превратились в пустыни. Бушевали извержения вулканов. В течении нескольких поколений Солнце едва пробивалось через вулканическую пыль.

Точно установлено, что в период формирования белой расы и первых сообществ белых людей Европа переживала период оледенения. Драматическим событием в истории человечества было большое четвертое оледенение Северного полушария. Начавшись сто тысяч лет назад, оледенение достигло максимального развития 150 тыс. лет тому назад. Продвигаясь из Скандинавии на юг, ледник долиной Пруднепра достиг района современного Кременчуга. Од-

нако максимальное похолодание произошло позднее, в конце ледниковой эпохи, то есть 20–17 тыс. лет тому назад. Четвертый ледниковый период истории Земли назван геологами плейстоценом, археологи называют его палеолитом, или древнекаменным веком. Резкое потепление климата около 10 тыс. лет до наших дней привело к исчезновению скандинавского ледника и наступлению геологической современности — голоцена. Началась новая археологическая эпоха — мезолит, или среднекаменный век. В ледниковый период мощность ледового щита над Скандинавией достигала нескольких километров. В это время моря и океаны до 45 градуса северной широты покрылись льдом, в частности, Атлантический океан покрылся льдом до северного побережья Испании. Альпы, горы юга Франции покрылись мощными ледниками. Франция стала страной мхов и северных оленей.

Приблизительно 10 тысячелетий тому назад произошли климатические изменения: резкое потепление в Европе и одновременно резкое похолодание в Азии. Они имели чрезвычайно резкий, катастрофический характер. Доктор исторических наук Н. Чмыхов этот планетарный катаклизм относит к 7562 году до н. э. [22, 24]. Независимые от него измерения радиоуглеродным методом, которые были проведены в рамках исследований резкого изменения растительности в Северной Якутии, вызванные внезапным похолоданием, дают очень близкое число, а именно 7333 ± 50 до н. э. (относительная погрешность между двумя датами составляет 3%). Изменения климата объясняются смещением земной коры литосферы.

В результате движения материков и вообще литосферы в позднем палеолите Северный полюс находился в районе между Скандинавией и Исландией, а приблизительно в 7562 году до н. э. он стремительно сместился градусов на 25–30 и занял нынешнее положение. Понятно, что смещение полюсов вызвало серию земных катаклизмов. Момент смещения полюсов разделяет период палеолита и мезолита (переход к неолиту), а также допотопный климат (плейстоцен) и послепотопный (голоцен).

Смещение литосферы только на первый взгляд кажется фантастическим. Геофизики и географы знают, что на протяжении многомиллионной истории Земли такие смещения, а также инверсии геомагнитного поля (изменение полярности и климата) происходили много раз. Среди прочего про это свидетельствуют залежи каменного угля в Антарктиде и за Северным Полярным кругом, следы древних экваторов и связанные с ними цепи горных хребтов

Уже в палеолите праиндоевропейская общность народов выделилась из евразийской. Праистория индоевропейцев и семитов началась независимо одна от другой в X–IX тыс. до н. э. Евразийской (доиндоевропейской) общности предшествовала наиболее развитая в то время культура охотников за мамонтами эпохи палеолита. Однако три последних оледенения привели к вымиранию мамонтов и к перестройке культуры охотников на мамонтов в мезолитическую евразийскую (по археологическому названию «свидерскую») культуру, которая сформировалась в приледниковой зоне между Карпатами и Прибалтикой (Арата-1).

«Свидерцы» первыми изобрели лук и стали приручать диких животных, среди которых первой была собака. Затем протоиндоевропейцы (евразийцы-свидерцы) разделились на несколько групп. Одна ушла на юг, в Малую Азию, приручила коз и стала первым сообществом скотоводов. Вторая группа образовала палеоевропейское сообщество низовьев Дуная, Днепра и Крыма (Арата-2), третья — ушла на восток, образовав урало-алтайскую группу народов. Основная часть «свидерцев» расселилась в Европе, составив основное ядро индоевропейцев. Группа протоиндоевропейцев-«свидерцев», которая ушла на юг, построила прагород площадью 14 га в Анатолии (возле современного поселка Чатал-Гуюк (приморский юг Малой Азии). Из ее среды вышли первые земледельцы. Прадревний Чатал-Гуюк был в те времена наибольшим в мире поселением и существовал 850 лет. Основу его хозяйства составляло земледелие и скотоводство. Избыток населения заставил искать новые земли. В 6200 г до н. э. экспедиция Чатал-Гуюка достигла низовьев Днепра, Каменной Могилы.

Культура Чатал-Гуюка прекратила свое существование в 5650–5000 гг. до н. э. Высказываются гипотезы, что праиндоевропейские ее племена частично переселились на Балканы, в Кукутень, Триполье. В. Н. Даниленко в своей «Космогонии первобытного общества» [5] привел

аргументы во пользу принадлежности этих племен к индоевропейцам (следовало бы — праиндоевропейцам).

Дж. Мелларт и другие западные археологи в течение многих лет изучали Чатал-Гююк — этот памятник древнейших скотоводческо-земледельческих (производящих) культур, быстро прогрессирующих в среде бывших охотников-собирателей Восточного Средиземноморья IX–VIII тыс. до н. э.

К концу VII тыс. до н. э. этих малоазийских земледельцев-скотоводов постигла беда: демографический взрыв в нем внезапно остановила засуха и увеличение площади солончаков. Высказывалась гипотеза, что тогда жрецы-правители Чатал-Гююка отправили послов вокруг Черного моря к своим северным родственникам — протоиндоевропейцам искать земли для расселения... В. Н. Даниленко обнаружил след этой экспедиции по находкам специфических сосудов и костей животных, а также рисунков на Каменной Могиле; затем к научному анализу были привлечены антропологические особенности могильников из района днепровских Порогов и особенности последующей металлургии, — родилась теория археологов о Циркум-понтийской («вокруг Черного моря») зоне формирования общности индоевропейских народов. Языковед А. Г. Кифишин обнаружил копию начала летописи Каменной Могилы на рельефном изображении Праматери чатал-гююкского храма [10].

В мезолите (8500–5000 лет до н. э.) на территории Украины был теплый и сухой климат, в неолите (5000–2500 лет до н. э.) — теплый и влажный, в энеолите и эпохе бронзы (2500–250 лет до н. э.) — теплый и сухой. Великое оледенение не достигло Украины, но его холодное дыхание определяло ее климат и растительность.

Как полагает А. Г. Кифишин [10], когда началось резкое потепление климата, таяние ледника, вымирание мамонтов, то обитаемая территория локализуется между Карпатами и Кавказом, Дунаем и Волгой.

Изменения к XII тыс. до н. э. повлекли сокращение этой территории до низовьев Днестра (где встречались еще львы и северные олени, остатки мамонтовой фауны). Однако жрецы постарались отразить и сохранить наработанную мудрость, избрав в качестве ее основного хранилища песчаниковые пещеры и гроты Каменной Могилы [10] на берегу обмелевшей р. Молочной (неподалеку от нынешнего города Мелитополя). За пять последующих тысячелетий поколения жрецов сумели преобразить реалистические изображения людей, животных и охотничьих сцен не только в календарные и другие информативные символы, но также в определенные письмена. «740 лет Мамонт (у) Идигны (подобно) Урашу (пребывал)», — гласит одна из наиболее ранних расшифрованных А. Т. Кифишиным строк. В дальнейшем к подобным именам божеств и календарным пометкам добавился перечень имён и деяний правителей, а также конспективные изложения мифов (нередко проиллюстрированные рисунками и символами), многие из которых будут развиты затем в Шумере.

Рассмотрим теперь Трипольскую культуру.

Для Трипольской культуры характерны города площадью до 500 га (что намного превышает даже такие колоссы последующего Древнего Мира, как Вавилон или Рим) с деревянными двухэтажными домами, населением до 40 тыс. жителей. Вокруг каждого из городов располагалось несколько селищ, святилищ-обсерваторий, а также поля, пастбища, угодья. Это была полисная система с федеративными связями, унаследованная затем шумерами, этрусками, греками, русичами и другими народами индоевропейского круга. Но их цивилизации возникли лишь тысячелетие и более спустя после расцвета Трипольской культуры, население которой несомненно внесло свой вклад в формирование генофонда своих далеких потомков — славян и в частности украинцев.

В свое время получила большой резонанс книга итальянца Мавро Орбини по историографии славян. Она впервые была издана в 1601 году, затем переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге в 1722 году [14]. Написанная на основе ныне утраченных материалов древних библиотек, она четко выявила «миротворческие» приоритеты Северной Припонтиды (Праукраины). В ней М. Орбини на имеющихся в то время научных материалах показал, что

«Припонтида» (Южная Русь, Украинская земля) была не только «этно-образующим котлом» Европы, но и главным горнилом ее духовности и сельскохозяйственных технологий.

Книга Орбиани написана задолго до открытия Викентием Хвойкой Трипольской культуры. Перейдем к роли трипольцев в этногенезе славян вообще и украинцев в частности.

Различают ранний период Триполья (4200–3600 лет до н. э.), средний (3600–2800 гг. до н. э.) и поздний (2800–2000 лет до н. э.). На втором этапе, по подсчетам историка В. Круца [11], население Триполья составляло 500 тыс. человек и занимало площадь 190 тыс. км². Большинство трипольцев умирало в 20 лет, редко кто доживал до 50 и больше лет. Первооткрыватель Трипольской культуры В. В. Хвойка разработал автохтонную концепцию трипольцев.

Трипольская цивилизация существовала на Юго-Западе Украины (территория от Днепра до Днестра и Дуная), Молдовы, Румынии, Болгарии с 5-го тысячелетия, точнее 4200 г. до н. э. до первой половины 3-го тысячелетия, до 2750 г. до н. э. (медно-каменный и бронзовый века). Трипольцы осуществили переход от собирательной к производящей форме хозяйствования, имели развитое земледелие и животноводство. Они выращивали три вида пшеницы, просо, бобовые культуры, рис, успешно развивали ремесла — гончарство, ткачество, обработку камней, костей и шкур. Жили трипольцы в поселениях из 1–3-х этажных домов, расположенных на большой территории (до 450 га) концентрическими кругами с защитной внешней стеной. Они вплотную подошли к государственности и изобретению письма.

Острая дискуссия идет по вопросу этнического происхождения трипольцев и их отношению к этногенезу праукраинцев.

В некоторых учебниках по истории Украинцев Триполье, Трипольская культура даже не упоминается. Не обсуждается вопрос о роли генофонда трипольцев в формировании генофонда украинцев.

Археолог Л. Зализняк считает, что трипольцы — прасемиты [8]. В качестве аргумента он ссылается на обнаруженную глиняную статуэтку с орлиным носом специфической формы, которая отображает «близкосточный, так называемый арменоидный антропологический тип трипольцев». Аналогичную позицию разделяют некоторые другие историки и археологи. Однако большинство специалистов по Трипольской цивилизации считает трипольцев гибридами западно-средиземноморского, местного протоевропеоидного и пришлого северо-европеоидного типов. Выводы ведущего антрополога Украины С. Сегеды сводятся к тому, что антропологические признаки трипольцев свойственны южным протоевропейцам и древнему западносредиземноморскому типу. «Что же касается вывода об армяноидности трипольцев, то они сделаны по форме только одного спорно истолкованного черепа» ([7], т. 1, с. 474–477).

Общий вывод С. Сегеды такой: «Трипольские племена, численность которых... могла достигать сотен тысяч человек, сыграли важную роль в формировании генофонда пращуров украинского народа — автохтонного этноса юга Западной Европы».

Чтобы решить вопрос о генетическом происхождении трипольцев наш выпускник биологического факультета Киевского национального университета А. Г. Никитин разработал метод выделения ДНК из костных остатков трипольцев и в одной из лабораторий США проводит секвенирование генома (определение состава генов и последовательности в них нуклеотидов). Таким образом в 2007 г. будет известна структура генома трипольцев, что позволит сравнить ее с украинской и определить, насколько украинцы являются пусть далекими, но все же потомками трипольцев.

Хозяйство, да и весь уклад трипольцев, зиждились на лучших в мире и довольно влажных черноземах, оптимальным методом обработки которых стало переложное земледелие. При наличии излишков земель оно не привязывало людей к территории и позволяло решать назревающие в государстве противоречия путем смены мест обитания с сожжением оставленных поселений.

Историки до сих пор не могут точно определить причины периодического самосожжения «городов и весей» трипольцев. Видимо, причина заключалась в переложной (а не орошаемой, как это было, например, в Шумере и Египте) системе земледелия, при которой трипольцы позволяли себе время от времени оставлять истощаемые многолетней обработкой поля, в сто-

роне от которых поднимали целину, возводили новые селения, а прежние поджигали. Для выяснения этой картины археологам понадобилось почти столетие напряженных работ, которые были завершены недавно украинским специалистом К. В. Зиньковским.

Трипольская культура существовала около трех тысяч лет, затем исчезла. Предполагают, что часть трипольцев ушла в Иранское нагорье и далее в Индию, часть смешалось с местными скотоводами и земледельцами, дав начало праиндоевропейцам, а через тысячелетие и праславянам.

Когда же славяне выделились из индоевропейского общества?

Необходимо разграничивать, с одной стороны, период формирования и развития славянского массива, а с другой — времена, которые предшествовали возникновению последнего. Соответствующая граница проходит приблизительно у середины — третьей четверти III тысячелетия до н. э., когда началась широкая интеграция доиндоевропейского населения Среднего Приднепровья, Подолья, Волыни и Галичины и индоевропейских племен, носителей родственных германо-венедо-славянских диалектов, которые в те времена еще не были разделены на отдельные ветви.

Собственно предысторию древних славян следует начинать именно с этого времени, от которого более или менее прослеживается наследственная линия развития единого этнокультурного массива протославян, праславян, древних славян, которая рано или поздно выводит на среднеднепровских русичей раннего средневековья. Этот приблизительно тритысячелетний период довольно четко разделяется на несколько отрезков, которые условно можно бы было обозначить как протославянский, праславянский и древнеславянский периоды.

I. Протославянский период охватывает приблизительно тысячелетие в широких границах третьей четверти III — третьей четверти II тыс. до н. э. В этот период завершается полная индоевропеизация территории современной Украины, как и соседних земель. Постепенно довольно аморфная германо-венедо-балто-славянское сообщество носителей культур веревчатой керамики размежевывается на четыре соответствующих блока, среди которых где-то в последней четверти II тыс. до н. э. выкристаллизовывается и собственно праславянская семья племен на просторах между Днепром и Вислой южнее Припятского Полесья.

II. Праславянский период охватывает последнюю четверть II тыс. до н. э. — третью четверть I тыс. до н. э. и отражает существование отдельного праславянского этнического сообщества с постоянным центром в Днепровском Лесостепном Правобережье, Восточном Подолье и Восточной Волыни. В его границах выделяются свои этапы и подэтапы, а именно:

1) Доскифский (XIII–VIII вв. до н. э.), когда происходила дальнейшая интеграция праславянских племен. В его границах выделяются два подэтапа, которые соотносятся с периодами белогрудовской культуры (XIII–X в. до н. э.), когда сложилась ведущая основа праславянской группы племен, которые, вероятно, находились между собой в определенных союзнических взаимоотношениях, и чернолесской культуры (X–VIII в. до н. э.), когда ведущая группа праславянских племен Правобережья консолидируется в раннеполитическое объединение, возглавляемое Потясминским центром, и, отражая нападения киммерийцев, начинает колонизацию Левобережной Лесостепи, преимущественно в бассейне Воркслы.

2) Скифский (VII–IV в. до н. э.), то есть период наитеснейшего взаимодействия праславян и ираноязычных этносов скифской культуры, который также разделяется на два подэтапа, которые можно условно назвать, учитывая традиционную терминологию:

а) архаическим скифским (VII–VI в. до н. э.) — существование фактически самостоятельных племен, хотя каким-то образом задействованных в глобальную архаично-скифскую политико-культурную макросистему;

б) классическим скифским (V–IV в. до н. э.), когда праславянское общество Лесостепной Украины попадает под все большее угнетение со стороны господствующей верхушки Скифского царства и постепенно начинает колонизацию южных районов лесной полосы, интегрируясь с близкородственными местными группами.

III. Древнеславянский период, который охватывает период последней четверти I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э., когда есть основания предполагать образование предгосударственной конфедерации «Русская земля». Этот период может быть поделен на три этапа:

- 1) Досарматский (III–I в. до н. э.), когда поляне и родственные им славянские группы Правобережья Днепра образуют собственные социальные организмы.
- 2) Поляно-роксоланский (I–III в.), который характеризуется всесторонней славяно-сарматской интеграцией и конечной славянизацией кочевников, которые осели в Лесостепи.
- 3) Антско-полянский (IV–VI в.), когда в границах Лесостепной Украины существовала соответствующая славянская конфедерация, из состава которой после аварского нашествия выделилось раннеполитическое объединение «Русская земля», возглавляемое русичами.

С 60-х годов VI в., то-есть со времени после аварского нашествия и распада антско-полянской конфедерации на отдельные части, среди которых наиболее значительными становятся «Русская земля» в Среднем Приднепровье и «Союз семи племен» в Нижнем Дунае, начинается собственно история древних русичей, в частности ее первый этап — период формирования и утверждения Древнерусского государства (вторая половина VI — середина IX в.).

На конец I в. до н. э. — начало I в. приходится сарматское (роксоланское) завоевание Среднего Приднепровья, образование там нового роксоланского объединения с центром в Приросье, начало постепенной славянизации отдельных групп оседлых сарматов и консолидации Роксолании как сармато-славянского общества.

Вторая четверть I в. н. э. характеризуется переселением языгов через Трансильванию в Среднее Придунавье, возможно, вследствие давления со стороны роксоланов, которое приводит к перемещению отдельных дакийских групп в Верхнее Приднестровье (возникновение в Прикарпатье комплексов липицкой культуры).

В 50–60 гг. роксоланы устанавливают контроль над Северо-Западным Причерноморьем и начинают нападения на римские владения на Нижнем Дунае.

60-е — начало 80-х годов характеризуются гегемонией в Степном Причерноморье сарматов, под протекторатом которых определенное время пребывает и Ольвия.

В 92 г. произошло очередное нападение сарматов на Мезию и победа римлян, после чего сарматские походы на Рим на некоторое время прекращаются, что способствует началу расширения торгово-экономических связей между Балкано-Дунайскими провинциями и населением Приднестровья и Приднепровья.

Середина II века — усиление напряженности в Нижнем Приднепровье в связи с активизацией «тавроскифов» [15]. В Северном Причерноморье римские войска побеждают скифов. Интенсивное развитие торговли римских провинций и севернопричерноморских городов с славянами и славянизированными сарматами-роксоланами Среднего Приднепровья и Приднестровья, которые за различные сельскохозяйственные продукты получают ремесленные изделия и серебряную монету. В целом в границах современной Украины наблюдается военно-политическая стабилизация, следствием которой был экономический подъем и знакомство местного населения с достижениями позднеантичной культуры.

На границе II–III в. осуществляется продвижение готов с Севера в Причерноморье. Война со славянами разделила последних на два массива: западный, Прикарпатско-Верхнеднепровский — склавенский и восточный, Среднеднепровский — антский или антско-полянский. В это время, вероятно, завершается славянская колонизация лесного Днепро-Деснянского бассейна, откуда население на протяжении последних лет распространяется в бассейны Западной Двины и Верхней Оки [9].

В середине III в. начинаются постоянные нападения готов, сарматов и карпов на Дунайско-Балканские владения Рима и на города Северного Причерноморья, захват готами всего Северо-Западного Причерноморья; разгром ими нижнеднепровских городищ, Крымской Скифии и Босфора. Первые морские походы готов в Малую Азию. Германцы-маркоманы опустошают Паннонию и доходят до Равенны. Распространение Черняховской культуры из Приднестровья и Причерноморья в Среднее Приднепровье. Развитие местной экономики, особенно — ремесел, в частности — гончарства, которое приобретает товарный характер. Одновременно в Цен-

тральной Азии усиливаются гунны, часть которых утверждает свое господство в областях Нижней Сырдарьи — Восточного Приаралья, ассимилируя местное ираноязычное и тюркоязычное население.

В 284–305 гг. продолжается постепенное социально-экономическое развитие различных этнических групп в границах современной Украины, усиление власти готов в Причерноморье и организация вестготского и остготского королевства с одновременным усилением соответствующих интеграционных процессов в среднеднепровских антско-полянских землях. Археологически это отражается в формировании трех регионов Черняховской культуры.

В середине IV в. происходит максимальное усиление остготского государства, возглавляемого Германарихом, расширение его господства на герулов Северного Приазовья, вестготов Северо-Западного Причерноморья и Днестровско-Карпатский ареал и на некоторые другие объединения Восточной и Центральной Европы вместе, вероятно, с венедами Привисловья [18]. Готы строят колоссальные укрепления — земляные валы, изумляющие современных археологов. С полянами-антами готы, вероятнее всего, сохраняют установленные еще со времен войны против Рима союзнические отношения, что не исключает возможности фактического доминирования Германариха и над областями Среднего Приднепровья. В это время в Приаральских степях гунны побеждают аланов и расширяют свою власть до Волги, а вскоре и до Дона и Северного Кавказа, покоряя местное, преимущественно аланское, население.

В начале 70-х гг. IV в. в схватке с представителями славянизированной роксоланской знати был тяжело ранен Германарих; гунны начинают нападать на Приазовско-Крымские владения остготов.

В 375 г. умер Германарих; остготы признают гегемонию гуннов, которые расширяют таким образом свою власть до Нижнего Приднепровья и представляют непосредственную опасность для вестготов.

В 376 г. вестготы, спасаясь от гуннов, массово переселяются за Дунай, где подвергаются притеснениям со стороны римской администрации.

В 80-е гг. IV в. Винитарий, наследник Германариха, консолидирует силы остготов и начинает агрессию против антов. Во время войны с ними он сначала терпит поражение, но вскоре достигает успеха, захватывает их правителя («короля») Божа с сыновьями и многими аристократами и убивает их. Гунны выступают в поддержку антов и после кровавой борьбы их правитель Баламбер окончательно побеждает Винитария, который гибнет. Остготы полностью признают власть гуннов. Анты, вероятнее всего, также входят в состав возглавляемого гуннами военно-политического объединения. Утверждение гуннского господства в Восточноевропейских степях открывает путь тюркоязычным кочевникам.

Среди историков и публицистов идет спор, когда украинцы выделились из славянской общности. О. Бузина пишет: «Древней Украины не было никогда. Как государство она возникла на наших глазах. Идею независимости сформулировали только в XIX веке... Да и была она в десять раз меньше нынешней. Во времена Богдана Хмельницкого Украиной называлась крохотная полоска земли на границе с Татарским Диким Полем — часть нынешней Черкасской и Запорожской области. Само же название ее несомненно означало — «окраина», «пограничье»... И только постепенно название степной полосы распространилось вплоть до Карпат [1].

История Украины в большой мере определялись Литвой и Польшей, которые больше 300 лет господствовали на правобережной части страны и для которых Украина действительно была «окраиной».

На пути польско-литовского католического наступления на Украину встало православие, опиравшееся на православие России, Белоруссии, Грузии, Армении. Лишь в Западной Украине католицизму и унии удалось потеснить православие. Современный украинский язык образовался в результате взаимодействия польского и литовского языков с древним славяно-русским, зародившимся в VI-VII веке. Духовный отец украинской нации Т. Г. Шевченко ни разу не назвал себя украинцем и не к «украинцам», а к «землякам» обращал свою поэзию.

Национального самосознания не существовало. Некоторые «протоукраинцы» даже не задумывались, кто они по национальности... Жители Украины именовали себя «малороссами», «русинами», а то и просто «тутошними» [1].

Большинство специалистов-историков не соглашается с такими крайними взглядами журналиста Бузины. Критически относится к ним и автор, однако приводит их с целью изложить всю широту спектра взглядов на сложную проблему истории Украины. Украинский язык относится к семье индоевропейских языков.

Индоевропейские языки — самая распространенная в мире языковая семья. Ее можно представить в виде многоветвистого буйно зеленеющего дерева. Существует несколько гипотез о месте зарождения праиндоевропейского языка. Наиболее вероятная из них — Восточная Европа, территория современной Украины, где обнаружена так называемая «ямная культура», носители которой в III тысячелетии до н.э. постепенно ассимилировали Трипольско-Кукутенскую культуру и способствовали развитию праиндоевропейского языка.

К индоевропейской семье языков относится 12 групп языков: кельтская, немецкая, балтийская, индийская, тохарская, иранская, армянская, анатолийская (хетто-лувийская), греческая, албанская, итальянская и славянская.

Славянская группа языков подразделяется на несколько подгрупп.

Славянская группа

Южнославянские

Болгарский язык — 9 млн. чел.

Македонский язык — 2 млн. чел.

Словенский язык — 2 млн. чел.

Корошко

Восточное наречие

Северо-восточное наречие

Западное наречие

Центральное наречие

Горенское наречие

Белокраинское наречие

Долинское наречие

Приморское наречие

Сербохорватский язык (штокавский) — 17 млн. чел.

Сербский язык (экавский)

Хорватский язык (иекавский)

Боснийский язык

Черногорский язык (сербско-хорватский)

Молиско-славянский — 4 тыс. чел.

Градищанско-хорватский — 35 тыс. чел.

Чакавский — 20 тыс. чел.

Кайкавский

(Старославянский язык †)

Церковнославянский язык

Западнославянские

Польский язык — 43 млн. чел.

Кашубский язык — 0,15 млн. чел.

Чешский язык — 11 млн. чел.

Словацкий язык — 5 млн. чел.

Лужицкий язык — 0,1 млн. чел.

(Полабский язык †)

Восточнославянские

Русский язык — 180 млн. чел.

Северновеликорусское наречие

Среднерусские говоры

Южновеликорусское наречие

Новгородский и псковский диалекты (по происхождению — западнославянские, ассимилированы русским языком †)

Украинский язык — 41 млн. чел.

Полесский микроязык

Белорусский язык — 8 млн. чел.

Югославско-русинский язык — 35 тыс. чел.

Заключение

Истоки этногенеза украинцев лежат в индоевропейском сообществе народов, которое сформировалось семь тысяч лет назад. В статье рассмотрен ранний этап этногенеза украинцев после выделения славян из индоевропейцев, которое произошло где-то в энеолите 2000 лет назад. Приведены данные в пользу концепции о том, что часть населения Триполья осталась на

берегах Днепра, смешалась с автохтонным населением и племенами, пришедшими с севера Европы, и вошла в число далеких предков славян и украинцев. Уже в дославянский и раннеславянский периоды этногенеза украинцев отмечается смешение индоевропейцев с народами, пришедшими из Азии, Кавказа, Причерноморья. Такая гибридизация народов несомненно обогатила генофонд далеких предков славян и украинцев.

Литература:

1. Бузина О. Тайная история Украины-Руси. — Киев: Довіра. — 319 с.
2. Даниленко В. М. Неолит Украины. — Киев: Наукова думка, 1969.
3. Даниленко В. М. Энеолит Украины. — Киев, 1974
4. Даниленко В. М. Кам'яна Могила. — Київ, 1986.
5. Даниленко В. М. Космогония первобытного общества. — Фастов-Славутич, 1997. — 196 с.
6. Даниленко В. М., Шилов Ю. А. Начала цивилизации. — М., 1999.
7. Енциклопедія Трипільської цивілізації в двох томах. — Київ, 2004. т. I.-656 с. дод. 80 стор., т. II. — 654 с. дод. 58 стор.
8. Залізник Л. Л. Походження українського народу. — Київ: ПБП „Фітовідеосервіс», 1996. — 80с.
9. Історія України. Нове бачення. — Київ: Україна. 1995. т.1.
10. Кицишин А. Г. Древнее святилище Каменная Могила. Опыт реконструкции протошумерского архива XII-III тысячелетий до н. э. — Киев, 2001.
11. Круц В. А. Питання демографії Трипільської культури. // Археологія. — 1993. — №3. — С. 30–36.
12. Круц С. И. Население территории Украины эпохи меди-бронзы (по антропологическим данным). — Киев, 1972. — 192 с.
13. Николаева Н. А., Сазонов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. — М., 1999.
14. Орбини Мавро. Книга историография початия имене, славі и расширения народа славянского и их царей и владетелей под многими именами и со многими царствами, королівствами и провинциями. — Петербург, 1722.
15. Петрук В. І. Велика Скіфія — Оукраїна. — Київ, 2001.
16. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. — М.: Наука, 1987.
17. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М.: Наука, 1992.
18. Трипільська цивілізація у спадщині України. — Київ: Просвіта, 2003. — 326 с.
19. Тулаев П. В. Венеты: Предки славян. — М., 2000.
20. Хвойка В. В. Каменный век Среднего Поднепровья. Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г. т.1. — М., 1901. — С. 736–812.
21. Хвойка В. В. Начало земледелия в бронзовый век в Среднем Поднепровье. Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе в 1905 г. т.1. — М., 1906.
22. Чмихов М. О. Давня культура. Навчальний посібник. — Київ, 1994.
23. Чмихов М. О. История язычества Руси. — Киев, 1990. — 382 с.
24. Чмихов М. О., Кравченко Н. М., Черняхов І. Г. Археологія та стародавня історія України.— Київ, 1992.
25. Шилов Ю. О. Джерела витоків української етнокультури XIX тис. до н. е. — II тис. н. е. — Київ: Аратта, 2002. — 272 с.

Статья поступила в редакцию 06.12.2006 г.

Об авторе:

БЕРДЫШЕВ Геннадий Дмитриевич — доктор биологических наук, доктор медицинских наук, профессор Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко.

Рецензии

УДК 81

Коринько Д. И.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИМИДЖ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Рецензия на книгу: Мосенкіс Ю.Л., Синишин Р.І. Словесний образ Корей в українському мовопросторі. — К.: Видавничий дім А+С, 2007. — 184 с.

В современном мире корейский язык в восприятии носителей других языков, в частности славянских и западноевропейских, занимает, конечно, не такое важное место, как его дальневосточные соседи — китайский и японский, но все же его место достаточно заметно.

Культурный обмен, происходящий на рубеже тысячелетий между едва ли не всеми странами мира, отражается, что вполне естественно, и в языках — в виде иностранных слов, заимствований, приходящих в настоящее время сотнями в каждый язык из многих других языков. И если позволено судить об интенсивности культурных контактов по языковому «донорству», то корейский язык как источник новых слов для иных языков займет далеко не последнее место.

Наряду с именами собственными и их производными — *Корея, кореец, корейка*, а также буквальным переводом поэтического названия Кореи (преимущественно Северной) *Страна восходящего солнца* (по-корейски *Чосон*), из корейского языка приходят и другие слова. Например, *тхеквондо* — национальный вид боевого искусства, в течение 1990-х гг. распространившийся чуть ли не по всему миру и хорошо известный на постсоветском пространстве. Беда только, что произношение и написание этого названия имеет в русском языке (как и в украинском) чуть ли не двадцать вариантов — *таэквондо, тхэквондо, тхаэквондо, тхаеквондо, тхаеквандо, тхэквондо, тэквондо, тэквандо, тхэквандо, тейквондо, тайквондо, тайквандо, тхайквандо, тхайквондо, таеквондо, таеквандо, тэгвондо, тхэгвондо...* В последнее время распространяются также другие корейские боевые искусства — *комдо* (неправильная, но более распространенная форма *кумдо*, это корейское соответствие японского *кендо* — «путь меча», а также *хапкидо* и *ханкидо*).

Известны носителям самых разных языков и названия южнокорейских фирм (также, впрочем, часто в искаженном виде) — «Хёнде», «Дэу», «Самсон» (именно так правильно) и другие, корейское слово *синмун* «газета» (в названиях разных газет), также название северо-корейской ракеты «*Нодон*» (чаще всего произносимое в искаженной англоязычной форме «*Родонг*») и символическое обозначение северокорейской официальной идеологии *чучхе* (в буквальном переводе «самостоятельность, стояние на собственных ногах»). На весь мир прославился в начале 200-х фильм южнокорейского кинорежиссера Ким Ки Дука «Сом» («Остров»).

О том, как корейские слова приходят в другие, территориально и структурно далекие от него языки — такие, как украинский, и о многом другом, — Вы прочтете в рецензируемой книге.

Об авторе:

КОРИНЬКО Дмитрий Игоревич — заведующий сектором кореистики семинара «Язык и история» (г. Киев).

Summary

Mosenkis Yu. L.

Universal Proto-Language: history of question and statement of problem

History and some lexical evidence of language monogenesis theory are considered.

Keywords: origin of language, comparative linguistics, monogenesis

Malovichko A. V., Kozyrski W. H.

Palaeolith and Language Monogenesis (Language Monogenesis – II)

We give new arguments and nontrivial illustrative examples confirming language monogenesis.

Keywords: linguistics, comparativistics, language monogenesis, nostratic theory, Hamitic languages, language divergence

Kaznatcheyev V. P., Trofimov A. V.

Introduction in a problem of "archeology" of intellect

On the basis of results of long-term researches of alive substance, consciousness and intelligence authors consider questions of formation and evolution of human intellect, spiritual, cognitive and cultural activity of person

Keywords: human intellect, archeology, origin of culture, human evolution, history, origin of language.

Mosenkis Yu. L.

Language as reflection of archaic sense of justice

On numerous examples reflections in language of sense of justice of various people, concepts of destiny, the order, the World Law are shown. It is shown, both in nominal, and in own names of various languages (especially in names of the most ancient tsars and divine essences) early sights at the is sacral-legal activity of the person supported by governors and priests legal and an ethical standard are reflected

Keywords: linguistics, history, legal terms, culture, the World Law

Koncha S. V.

To reconstruction of indo-european mythology

Questions of allocation of the basic kernel indo-european mythologies are considered. The basic myth, in opinion of the author, fight of gods and demons with the subsequent creation of an existing universe, people and an establishment of laws is.

Keywords: Indo-European mythology, gods, demons, creations of the world, fight of gods.

Boukalov A. V.

Sphinx and other riddles of the egyptian history

Questions of dating of the Sphinx on a plateau Giza in Egypt are discussed. The geological and archeological data specifying are analyzed that the Sphinx has been constructed not later than XI thousand up to B. C. Riddles of ancient technologies of processing of granite and diorite, transportations and rise of 200-ton stone blocks are discussed.

Keywords: Ancient Egypt, archeology, dating of the Sphinx, processing of a stone, an ancient civilization of Egypt.

Berdyshev G. D.

Before Slavic and Early Slavic period of ethnogeny of the population of Ukraine

In this paper the early stage of ethnogeny the population of Ukraine before allocation of Slavs from Indo-European communities of people is considered. Classification of the periods of ethnogeny of Slavs is resulted. The problem of far ancestors of Ukrainians is discussed. It is noted the mixture of Indo-Europeans with various early tribes and people from the Europe and Asia.

Keywords: ethnogeny, Indo-Europeans, Scythians, Tripolyes, Slavs, Ukrainians, a genofund, Sarmatians, Gotha.

Korinko D. I.

International image of Korean Language

Review of the book 'Verbal image of Korea in Ukrainian language space' by Yu. L. Mosenkis and P. I. Sinishin.

No 2
2007
Vol. 1

Origin of language and culture: ancient history of mankind

ЗВРЪМАНО
ДАНСАНОУ
УЕНКОМЪ
СКОМЪ КЪ
СТАВТОТЪМЪ
РТЪ КИХЪ НГЛА

ԳՍՏԻՆ ԸՆԹՈՑ-ՍՈՒ ՅԵՒՈՒՅԵՎԱՆ
ՄԵՆՈՒ ԲԱՆՈՒ ԸՆԹԱԵԼԻ ՍԵՂՆ Զ
ՍՈՐԱՄԻՆ ԷՏԵՆՈՒ ԹՈՒՎՅՈՒՐԿՆԻ
ՈՐԱՆՍՏՈՒՅՈՒՆՆԵՐ ՍԵՂՆ ԻՅԵՒՈՒՅ
ՄԻՒՐԿՆԻՍ ԳՐԹՈՒՅՈՒՆ ԽՐԵՈ ԸՆԵ